

ГЛАВА 9
ПАТРИОТ ЗЕМЛИ РУССКОЙ.
БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ НИКОЛЬСКИЙ
(1870–1919)

Имя видного правового деятеля Бориса Владимировича Никольского в течение многих десятилетий было незаслуженно забыто и сегодня, за исключением узкого круга специалистов, почти никому не известно. Яркий представитель научной интеллигенции конца XIX – начала XX веков, крупный специалист по римскому праву и русской литературе, поэт и литературный критик, он, в отличие от большинства своих коллег, придерживался правомонархических, черносотенных убеждений, которые непреклонно отстаивал. Его жизнь и мученическая кончина – яркий пример глубокого, искреннего патриотизма, твердости и самопожертвования во имя идеалов Православия и самодержавной монархии.

Борис Владимирович Никольский (1870–1919) родился 3 октября (по старому стилю) 1870 г. Его отец, Владимир Васильевич Никольский, – сын священника, окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, профессор русской словесности, пушкинист. Преподавал в Александровском лицее и в других учебных заведениях, написал ряд работ по истории русской литературы¹. Мать Бориса Владимировича,

¹ См. работы В. В. Никольского, в частности, «Идеалы Пушкина» (актовая речь с приложением статей того же автора). Изд. 4-е. СПб., 1899. Также см.: Дневник Б. В. Никольского за 1905–1907 гг. Публ. Д. Заславского // Красный архив. Т. 63. 1934. С. 94.

Мария Ивановна (урожденная Скроботова), также была дочерью священника¹.

Детство Бориса Никольского проходило в Петербурге. Вот что писал об этом периоде жизни он сам: «Развивался я крайне медленно в одних и очень быстро в других отношениях. Читал я уже к четырем годам самоучкой, писал, копируя печатные буквы, самоучкой же, уже пяти лет. Памятью отличался искони; мне еще не было трех лет, как я уже со слов матери знал наизусть всю песнь о вешем Олеге...». Обладая незаурядными способностями, юный Никольский делал значительные успехи в учебе. Следует отметить еще один факт, оказавший впоследствии влияние на формирование его мировоззрения: с детства мальчика приучали, как он впоследствии сам выражался, к «технике долга»² – исполнять все религиозные обряды.

С 1881 года Б. В. Никольский учился в классической гимназии при Историко-филологическом институте, в 1884 году, после смерти отца, перешел в училище правоведения. В фондах Российской национальной библиотеки сохранилось четыре гимназических дневника Бориса Никольского. В одном из них во время Светлой седмицы 1883 года гимназист во всю ширину листа написал: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его...»³. Сей факт красноречиво говорит о сформировавшемся с раннего детства православном мировоззрении будущего ученого.

В 1885 году Никольский впервые выступил в печати с переводами с английского языка. 15 мая того же года он написал свое первое стихотворение⁴. Рукописи отдельных ранних стихов поэта (многие из них – православной тематики) хранятся в

¹ Российский Государственный Исторический архив (РГИА). Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4б. Л. 50б; Дневник Б. В. Никольского за 1905–1907 гг. С. 55.

² РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 31 ОС. Л. 124 об.–125; Д. 4б. Л. 70.

³ Отдел Рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 520. Оп. 1. Д. 34. Л. 15–16.

⁴ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4а, 4б (по новой нумерации данной описи – соответственно д. 2, 1; далее в сносах мы придерживаемся старой нумерации единиц хранения фонда 1006 РГИА). Архивная справка. Л. 1; Беззубов В. И., Исаков С. Г. Блок – участник студенческого сборника // Блоковский сборник – II. Тарту, 1972. С. 326; РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4б. Л. 6.

фондах Российской национальной библиотеки. В эти же годы он вел дневник, который впоследствии частично уничтожил.

Юный Никольский обладал необычайно веселым нравом и жизнерадостностью, в большой степени ему был присущ юмор. Часто он давал остроумные прозвища своим товарищам, писал стихи-памфлеты. Что же касается его мировоззрения, современники отмечали, что в те годы Никольский отличался свободолобием и даже некоторой «левизной» взглядов. Увлечение либеральными теориями, чтение трудов европейских философов антихристианской направленности (например, Ф. Ницше) – все эти явления вообще были характерны для тогдашней молодежи. Юного Никольского также не обошло стороной это искушение. Мало того, из-за интереса к политике и нарушения дисциплины его за полтора года до окончания полного курса даже уволили из училища, и он перешел в Петербургский университет, на юридический факультет (1889 г.), где изучал историю Рима и римского права, а также философию и классическую филологию¹.

Однако уже к 1889 году, судя по всему, относится начало формирования правого мировоззрения Никольского. Вот что сам Никольский отмечал по этому поводу в дневнике за 5 августа 1889 г.: «Вчера написал стихотворение на тему “Россия и Европа”. Кажется, очень здорово вышло. – Я теперь в конец вернулся к своему началу. <...> Я окончательно стал тем, что у нас называется славянофилом. Я им всегда и был, но отрекался от своей веры, увлекался другими веяниями – во всем виновата моя восторженность и увлекающаяся натура <...>». И далее заметил: «Папа был славянофил и патриот в лучшем и благороднейшем смысле этого слова – и теперь передо мною встает тот же идеал, которого он был осуществлением»². Основы православного мировоззрения, заложенные в душу Никольского в семье, в конечном итоге взяли верх над нигилистическим, безбожным духом подавляющего большинства тогдашней прозапно настроенной интеллигенции.

¹ РГИА. Ф. 1006. Д. 4а, 4б; л. 1.

² ОР РНБ. Ф. 520. Оп. 1. Д. 340. Л. 28.

Из архивных источников известно, что Никольский учился в университете успешно, с хорошими результатами, и считался одним из лучших студентов курса. Окончив факультет, он был оставлен для подготовки к ученой карьере. В 1893 году, сразу после окончания университета, Никольский поступил в Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел¹, где составил очерк страхового дела в России. Одновременно он сотрудничал в «Новом времени» с А. С. Сувориным, где печатал свои статьи, и готовился к профессуре. 20 апреля 1894 г. Никольского назначили помощником столоначальника Хозяйственного департамента, а затем (с 1 августа) младшим ревизором во вновь образованном страховом отделе этого же департамента².

К концу 1893 года относится первая встреча Никольского с его будущей женой, Екатериной Сергеевной Шубинской. 5 ноября 1893 года он, будучи в гостях у Полонских, ухаживал за столом за Екатериной, по его словам, «милой, изящной и грациозной»³. Между ними вскоре завязываются роман и переписка⁴. В 1895 году, 7 июля, состоялась свадьба Никольского с Шубинской (ее отцом был редактор журнала «Исторический вестник»). В 1896 году у них родился первенец Владимир⁵.

В январе 1896 года Никольский вышел в отставку, причислившись к Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел⁶. Похоже, у него возникли какие-то неурядицы на службе: по собственным словам, он был там «не на месте», а в своем не дошедшем до нас дневнике за 1895 г. писал об ощущении «приближения катастрофы»⁷. 6 августа 1896 года Б. В. Никольский начал систематически вести свой но-

¹ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 121 об.

² Там же. Ед. хр. 31 ОС. Л. 150а, 165.

³ Там же. Д. 46. Л. 278 об.

⁴ Там же. Ед. хр. 31 ОС. Л. 1–233 об.

⁵ Там же. Д. 4а–4б. Архивная справка. Л. 3 об.

⁶ Там же. Л. 1 об.

⁷ Там же. Д. 46. Л. 27.

вый дневник, почти полностью дошедший до нас. По его словам, в это время он писал критические статьи, исследования по истории русской литературы (о Н. Н. Страхове, К. П. Победоносцеве, А. А. Фете, Н. Я. Данилевском и др.), а также стихи – в журналах «Русский вестник», «Исторический вестник», в газете «Новое время» и т.д. (с 1892 по 1903 гг.); читал, писал рецензии к прочитанным книгам, готовился к магистерским экзаменам, а в свободное время нянчился с сыном и занимался садоводством, находясь летом на даче жены, в Любани: поливал цветы, пропалывал клумбы, охотился на кротов, подчищал дорожки¹.

С марта 1898 года Никольский много работал над магистерской диссертацией, писал стихи. К этому же периоду его жизни, видимо, относится и окончательное формирование философских и политических взглядов. Первые же страницы дневника (за 1896–1897 гг.) свидетельствуют о нем как об убежденном монархисте и консерваторе. Нет и намека на его прежние, юношеские увлечения либерализмом. С августа 1896 года Никольский начал систематически вести свой дневник, дошедший до нас в виде двух огромных по объему тетрадей, хранящихся ныне в фондах Российского Государственного Исторического архива. Сохранились записи вплоть до 1918 года. Дневник проникнут болью и переживаниями за судьбу погибающего Отечества. Никольский видел дальнейшее развитие России только в качестве православной самодержавной монархии и до конца своих дней отстаивал эту точку зрения.

Перед нами отрывки из стихотворения Б. В. Никольского, датированного 14 июня 1912 года и красноречиво характеризующего мировоззрение поэта:

<...> Вникни в тайны молитв: вязью жемчужною
Вещих слов, на лучи веры нанизанных,
В них наследья веков, духа сокровища
Взор насытят души, алчущей вечности.<...>

¹ Там же. Архивная справка. Л. 1 об.

<...> Всюду, всюду, звонят, молятся, сходятся,
Славят Бога, поют, шепчут и крестятся.
Мощно в небо гремят хоры несметные,
Мощно в небо гремят звоны всемирные.<...>

<...> Славься звон! Ты мое слил умиление
С бурей битв и молитв стройными хорами,
Звон, небес и земли глас отвечающий
Тайнам тайной мольбы, лжи одиночества.

Бурно вторя твоим вздохам торжественным,
Звон молитвенный, звон, звон призывающий,
Властно в сердце слились мощным созвучием
Ранний благовест, Бог, Царь и Отечество!¹

Литератор Б. А. Садовской оставил нам интересные воспоминания о Никольском. «Представительный, плотный, лысый, с монгольского склада лицом и длинными седеющими усами, он держался ровно <...>, но под наружной выдержкой кипел горячий характер. <...> Смеялся Никольский громко, говорил много. Холодные глаза его оставались неподвижными, точно незаведенные часы. <...> Это был изумительный собеседник, обладавший способностью в совершенстве подражать голосу и манерам кого угодно. Изображая в лицах людей умерших, он словно воскрешал их. По точности, с какой он представлял живых, известных мне современников, я мог судить о сходстве его в передаче мертвых – Майкова, Полонского, Стрехова, Победоносцева и Вл. Соловьева»².

23 марта 1898 г. Никольский успешно выдержал магистерский экзамен, а в апреле того же года его выбрали в члены-сотрудники Юридического общества по отделению обычного права³. В мае 1899 года он защитил магистерскую диссертацию по римскому праву «Система и текст

¹ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 38–38 об.

² «Записки» Б. А. Садовского // Встречи с прошлым. Вып. 6. М., 1988. С. 129.

³ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 37, 39.

XII таблиц»¹. В октябре того же года Никольский стал приват-доцентом гражданского права (вне штата), а в 1900 г. начал чтение курсов по праву в Петербургском университете², а также читал лекции в Училище правоведения и на Высших женских курсах³. С 1900 года он стал приват-доцентом по кафедре русской словесности на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, а в 1901–1902 гг. читал в университете факультативные курсы.

О своей работе по привитию в студенческой среде монархических и патриотических убеждений Никольский писал в дневнике так: «Я видел и чувствовал живой рост моего влияния и студенческих ко мне симпатий и доверия. Особенно радовался я доверию, встречая его даже в либерально-инородческих мозгах. Иной и спорит, и улыбается в знак несогласия, и головой покачивает, – так и чувствуешь, как твои мысли в него неодолимо впиваются и он спорит только потому, что неуловимо им подчиняется, кристаллизуется умом в этих мыслях...»⁴.

Чуть позже в дневнике Никольский заметил, что на лекциях ему более всего симпатизировали: во-первых, молодежь из хороших фамилий; во-вторых, молодежь «из духовных»; и, в-третьих, как это ни покажется сегодня странным, восточные инородцы-кавказцы и азиаты⁵. По справедливому замечанию современного исследователя черносотенного движения С. А. Степанова, «Никольский был кумиром учащейся молодежи, несмотря на непривычные для университетской среды консервативные политические взгляды»⁶. Свидетельства современников – Г. В. Чичерина, А. В. Самойловича,

¹ Центральный Государственный Исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 14325. Л. 1.

² РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 95, 98 об., 164 об.; Дневник Б. В. Никольского за 1905–1907 гг... С. 57.

³ Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 14337. Л. 29–29 об.

⁴ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 115 об.–116.

⁵ Там же. Л. 120.

⁶ Степанов С. А. Черная сотня в России. 1905–1914. М., 1992. С. 36.

М. Кузмина и других выдающихся людей – лишний раз подтверждают данную точку зрения¹.

Разумеется, Никольский, со своими правыми убеждениями, оказался среди либерального большинства профессорско-преподавательского состава «белой вороной». К тому же его тошнило от самого духа, царившего в профессорской среде: «Все эти тщеславия, эти ссоры, союзы, бесконечное взаимное предательство, сплетничество, подкарауливанье, подглядывание... Гнусный дух... Боже меня упаси. Лучше быть рабом... ну, чьим хотите, но только не членом почтеннейшей корпорации профессорской»². О своем тогдашнем положении Никольский писал: «Между тем я чувствую, всем существом чувствую, что я один во всем университете искренно и прямо высказываюсь в пользу Самодержавия, строгой власти, строгой семьи, против социализма принципиально, за исторические начала и уважение к ним и т.д. Это видно по многому, по тому напряженному замирающему вниманию, с которым меня слушают иные студенты. Их поражает моя смелость, – это видно из разговоров: они совершенно поражены, видя, что консерватизм неизмеримо смелей и либеральнее всякого либеральничанья и что самая отважная свобода не только не подрывает консерватизма, но его, напротив, упрочивает... Студенты впервые видят убежденного представителя моего образа мыслей...»³.

Главное увлечение Бориса Никольского – собирание редких книг, прежде всего по римскому праву и по литературе. Его библиотека постепенно составила около 7500 томов⁴. Сам Никольский собирал рукописи и книги с 1886 года по

¹ Чичерин Г. В. (авторизованная биография) // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь. Гранат. Репринт. М., 1989. С. 755; Самойлович А. В. Пушкинист Б. В. Никольский // Сб. «Парфенон», вып. 1. СПб., 1922. С. 54; Монархист и Советы. Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому 1913–1918 / Публ. С. В. Шумихина // Звенья. Исторический альманах. М.–СПб., 1992. С. 343.

² РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4б. Л. 105 об.

³ Там же. Л. 117–117 об.

⁴ Там же. Д. 4а. Л. 24б.

1917 год. Библиотека включала в себя «систематический подбор книг по большинству кафедр юридического и историко-филологического факультетов, подбор, приуроченный к трем основным предметам: лирической поэзии всех веков, стран и народов, русской истории и словесности и римскому праву»¹.

Конец 1890-х годов – время, когда в печать вышли первые научные труды Никольского, а также первый и единственный его сборник стихотворений (1899 год), посвященный жене, Екатерине Сергеевне. Излюбленная тема творчества Никольского – проблема героя и толпы. Среди его собственных лирических стихов в сборнике имеются и переводы из Катулла. Как отметил сам автор, его интерес к творчеству римского поэта возник в 1888 году, когда юному Никольскому попался перевод Катулла, сделанный А. А. Фетом. Вскоре он стал переводить и сам².

В 1896 году выходит небольшая книга Никольского, посвященная русскому литературному критику и философу Н. Н. Страхову. Тогда же он вплотную подошел к изучению биографии и творчества А. С. Пушкина. Его работа «Поэт и читатель в лирике Пушкина» была издана в 1899 году, а несколько позже вышел биографический очерк под названием «Последняя дуэль Пушкина». Никольский работал над составлением дополнений, указателей, осуществлял критический разбор первого тома Академического собрания сочинений Пушкина, издание которого, равно как и выше названной работы, было приурочено к столетию со дня рождения великого поэта. Критические очерки Б. Никольского были помещены в сборнике стихотворений «Философские течения русской поэзии».

Другое направление литературоведческой деятельности Никольского – исследование творчества А. А. Фета. Интерес к Фету возник у него еще в юности, а с 1896 года началась серьезная работа по подготовке издания сочинений великого поэта³. В начале 1900-х годов вышло полное собрание стихот-

¹ Там же. Л. 25а.

² Никольский Б. В. Сборник стихотворений. СПб., 1899. С. 304.

³ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 152 об.

ворений Фета, при издании которого Никольский выполнял редакторскую работу и написал статью «Основные элементы лирики Фета». В 1897 году публикуется магистерская диссертация Никольского «Система и текст XII таблиц», а также сводный текст отрывков XII таблиц со свидетельствами древних авторов и указателями, который предназначался в первую очередь для учащейся молодежи и с помощью которого можно было проводить сравнительный анализ документа с «Русской правдой»¹.

В конце 1890-х годов в семье Никольского случилось пополнение: 2 августа 1898 г. родился сын Сергей, однако он вскоре (в июне 1900 г.) скончался вследствие болезни. Затем, в 1899 году, 1 декабря, родилась дочка Анна². Позже, уже в начале XX века, у Никольских родились сын Роман (7 апреля 1903 года) и дочь Анастасия³. В первом десятилетии XX века Никольский работал над докторской диссертацией «Дарение между супругами», которую в 1903 г. представил в Новороссийский университет, но из-за личной неприязни и конфликтов с либеральной профессурой защита не состоялась.

Отношения с коллегами по университету у Никольского вообще плохо складывались. Продолжались серьезные трения (в основном из-за неудач, связанных с защитой докторской диссертации) с университетским начальством, с профессорами (А. Х. Гольмстеном, Д. Д. Гриммом и др.). Вследствие этого Никольский перешел к адвокатской практике и стал частным поверенным и присяжным стряпчим. 26 октября 1903 года Никольский баллотировался в первой крупной правомонархической организации – Русском собрании⁴. Там он сразу же стал одним из активнейших членов, участвовал в заседаниях собрания, беседах, вечерах.

¹ См.: Никольский Б. В. Система и текст XII таблиц. СПб., 1897; XII таблиц. Сводный текст отрывков со свидетельствами древних и указателями. СПб., 1897.

² РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 59 об., 61, 103, 134 об.

³ Там же. Архивная справка. Л. 4.

⁴ Там же. Д. 46. Л. 223.

1905 год вывел Никольского на политическую авансцену. Он стал личным секретарем генерала от инфантерии, члена Совета министра внутренних дел, старосты Исаакиевского собора и издателя правых брошюр Е. В. Богдановича¹. По этому поводу 27 февраля 1905 года Никольский писал: «Мне придется играть ту роль, которой я ожидал, но которой я не хотел, ибо я знал, что только горькие события выдвинут меня. Горькие события настали, я впереди – вперед»².

Вскоре Никольский начал участвовать в составлении писем Императору Николаю II, так называемых «записок» в защиту Самодержавия. Известна «Всеподаннейшая речь» Никольского 31 декабря 1905 года, в которой он обращал внимание Государя на «мятежную измену» врагов и их «предательское кровопролитие» в дни потрясений 1905 года.

Причину этих драматических событий Никольский видел во «всемирном еврейско-масонском заговоре», а средство для достижения порядка, по его мнению, заключалось в использовании «военной карающей власти»³. Свою речь он произнес перед Царем во время принятия последним депутации Русского собрания.

Никольский был у истоков создания крупнейшей монархической организации – Союза Русского народа. В состав Главного Совета Союза входил и Никольский⁴. В годы смуты 1905–1907 гг. он сблизился с виднейшими деятелями правых – в частности, с архиепископом Волынским Антонием (Храповицким). В пору своей деятельности в Союзе Русского Народа Никольский, как и многие его друзья и соратники, высказывался за осуществление жестких мер по отношению к революционерам, отмечая при этом тот неоспоримый факт,

¹ Там же. Л. 232; Дневник Б. В. Никольского за 1905–1907 гг... С. 90.

² РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 232.

³ Никольский Б. В. Всеподаннейшая речь 31 декабря 1905 года. СПб., 1914 (РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 15). С. 4 (л. 4 об.), 10 (л. 7 об.).

⁴ Платонов О. А. Император Николай Второй. Жизнь и царствование. СПб., 1999. С. 198–199; Острецов В. М. Черная сотня: взгляд справа. М., 1994. С. 31; Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). С. 90.

что огромное их число являлось представителями иудейского племени.

В 1910 г. Никольского пригласили заниматься с сыновьями Великого князя Константина Константиновича Олегом и Гавриилом. О жизни князя Олега Константиновича, трагически погибшего в самом начале Первой мировой войны, Борис Никольский оставил воспоминания, в которых он охарактеризовал молодого человека как прилежного, трудолюбивого и богобоязненного ученика¹.

В 1912 г. Никольский был назначен профессором римского права в Училище правоведения, где также (с 1913 г.) читал курс новейшей русской словесности². В 1912–1913 гг. он работал в Училищной комиссии (Комиссии по народному образованию), занимавшейся обустройством городских училищ С.-Петербурга. Его работа была связана в то время с обустройством Казанской части, с созданием нового мужского четырехклассного училища³. В июне 1913 года Никольский изъявил желание возвратиться к преподавательской работе в университете⁴. Помимо деятельности в Союзе Русского Народа и на педагогическом поприще он участвовал в заседаниях Юбилейной комиссии по чествованию столетия Отечественной войны 1812 года⁵, готовил, в частности, музыкальную часть празднества.

В 1910–1914 гг. Никольский по-прежнему много и плодотворно работал. Из письма писателя А. А. Кондратьева, служившего тогда секретарем в канцелярии Государственной думы, к литератору Б. А. Садовскому от 26 января 1912 года известно, что «его <Б. В. Никольского. – Д. С.> даже к телефону трудно бывает обыкновенно получить, так как он занят своей адвокатской деятельностью, лекциями, уроками у великих князей и...

¹ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 14. Л. 3 об. (с. 4), л. 5 (с. 7), л. 7 (с. 11).

² Там же. Д. 4б. Л. 276 об.

³ Там же. Л. 254–254 об.

⁴ Там же. Л. 296 об.

⁵ Там же. Л. 260, 270, 271.

Русским собранием»¹. В январе 1913 года Никольский составил проект манифеста «на Романовский юбилей» (по случаю 300-летия Дома Романовых)².

В начале 1910-х гг. Б. В. Никольский продолжал свою деятельность в качестве юриста. Так, среди прочего он ездил в Мозырь, где выступал гражданским истцом по делу о кощунственной охоте католиков на лисиц в приписной церкви Николая Чудотворца (1911 г.)³. В декабре 1913 года он был назначен исполняющим должность ординарного профессора юридического факультета Юрьевского университета⁴, где с 1914 года, будучи приват-доцентом кафедры латинской словесности, читал лекции.

Начало Первой мировой войны Никольский встретил с присущими тогда всему обществу энтузиазмом и воодушевлением. «Что бы ни было – наша должна <Подчеркнуто автором дневника. – Д. С.> взять», – заявляет он со страниц дневника⁵. 1 августа 1914 года Никольский сделал запись о том, что уплатил Царю 1000 рублей личного долга. Этот демонстративный жест, связанный с войной, создавал, по мысли автора, «прецедент совершенно исключительный», ибо никто до этого долги в царскую кассу не возвращал⁶.

В декабре 1914 года Б. В. Никольский представил свою диссертацию «К истории дарений между супругами» на юридический факультет Петроградского университета, но защита опять не состоялась (была отклонена в 1915 году)⁷. В январе 1916 года он пробовал пройти в городскую думу, сна-

¹ Цит. по: *Монархист и Советы...* С. 343–344.

² РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 289.

³ Там же. Д. 14. Л. 5 об. (с. 8); РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 16 (Кощунственная охота католиков на лисиц в Православном храме. Типогр. Почаево-Успенской лавры. 1911 г.).

⁴ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 328 об.; Беззубов В. И., Исаков С. Г. Блок – участник студенческого сборника... С. 327.

⁵ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 343.

⁶ Там же. Л. 344 об.–345.

⁷ Там же. Д. 4а–4б. Архивная справка. Л. 2 об.; Беззубов В. И., Исаков С. Г. Блок – участник студенческого сборника... С. 327.

чала – по первому разряду, а затем – по второму, но в обоих случаях неудачно¹. В этот период своей жизни Никольского нередко посещали мрачные мысли. Он чувствовал приближение катастрофы, повлекшей за собой гибель исторической России: «Вне наших идей – полная гибель; но людей не видно и у нас. Умирать еще рано – я не чувствую смерти, но жить – невозможно»².

Февральский переворот 1917 г. Никольский воспринял отрицательно³. В то время его материальное положение было настолько серьезным, что он подумывал о продаже своей уникальной библиотеки. 25 сентября 1917 г. скончалась мать, 74 лет от роду⁴. Тем не менее даже в таких условиях Никольский продолжает упорно работать. Среди всего прочего он писал статьи о «Памятнике» Горация, о Г. Р. Державине, об А. С. Пушкине, о Тибулле, о К. Н. Батюшкове и другие⁵.

Сразу после трагических событий марта 1917 г., по видимому из-за своего участия в работе монархических организаций, по предложению министра народного просвещения А. А. Мануйлова Никольский подал в отставку⁶ и находился на положении заштатного профессора до октября 1917 года, когда был избран сначала приват-доцентом, а затем доцентом классической филологии историко-филологического факультета Юрьевского университета, куда в спешном порядке и направился читать лекции⁷.

События 25 октября 1917 г. Никольский встретил в Петрограде и отнесся к ним отрицательно. В тот же день он написал письмо некоему В. В. Женутьеву в Вичугу, Костромской губернии, в котором дал свою оценку происходящему («паралич на-

¹ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4б. Л. 374, 375.

² Там же. Л. 332 об.–333.

³ Чхартишвили П. Ш. Черносотенцы в 1917 году // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 133.

⁴ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4а. Л. 50б.

⁵ Там же. Л.12а, 14а, 39а, 112б.

⁶ Там же. Д. 4а–4б. Архивная справка. Л. 2 об.

⁷ Там же. Д. 4а. Л. 60, 66б.

родной воли»), отметив, что «хорошего конца никто не ждет»¹. В ноябре 1917 года Никольский столкнулся с проблемой выезда из Юрьева, так как солдаты, возвращавшиеся с фронта, пускали только своих и запирали двери вагонов. 20 ноября того же года он записал в дневнике, что у него на вокзале украли кошелек с деньгами – впервые за все 47 лет жизни². Появились и другие, совершенно новые проблемы. В его квартире по доносу бывшей прислуги бесчинствующие солдаты учинили обыск: разыскивали съестное; незаконного, правда, ничего не нашли³.

Новый 1918 год Никольский отметил на даче своей жены, в Любани, а в январе 1918 года он стал приват-доцентом римского права юридического факультета Юрьевского университета, в котором читал публичные лекции. По-прежнему он испытывал сильную материальную нужду, увеличивавшуюся с каждым днем: «Того и гляди, что придется даром отдать большевикам мою библиотеку, – только бы не сожгли. Что за ужас в этой неизвестности, в этом мучительном накануне скорбных событий»⁴.

В феврале 1918 года Никольский временно приостановил свою научную работу, так как типографии закрыли, а писать не было сил при холоде⁵. Он ездил из Петрограда в Юрьев до февраля 1918 года, пока сообщение не прервалось в результате немецкой оккупации Эстляндии. В Петрограде Никольский продолжал преподавать в Училище правоведения.

Весной и летом 1918 года ему пришлось пережить новые неприятности. Так, по подозрению в участии в монархическом заговоре (по доносу соседа) арестовали и подвергли допросу в Петроградском ЧК (проводил его лично М. С. Урицкий) старшего сына Никольского Владимира. На допросе тот откровенно заявил, что является монархистом, и был отпущен Урицким⁶.

¹ Там же. Л. 70а.

² Там же. Л. 88б, 91а.

³ Там же. Л. 93б.

⁴ Там же. Л. 124 б.

⁵ Там же. Л. 137б.

⁶ Там же. Л. 227б–233б.

Несмотря на трудности, которые обрушились на Никольского, он не озлобился на всех и вся и считал, что эти бедствия явились своего рода следствием тяжких грехов русского народа. В августе 1918 года Б. В. Никольский написал письмо в Комитет по устройству Воронежского университета (личный состав Юрьевского университета к тому времени находился в Воронеже) и, получив положительный ответ, в конце сентября собирался отправиться в Воронеж для устройства в университете¹. Однако, судя по письму к Б. А. Садовскому, датированному 26 октября (8 ноября) 1918 года, и последующим событиям, он никак не мог туда выехать².

До самой своей трагической кончины в 1919 г. Никольский не оставлял литературную деятельность. По словам анонимного автора некролога Никольского, «в издании Академии Наук должен был выйти его труд – “Пушкин и его современники”»³.

Не позднее 21 июня 1919 года Никольский по приговору Петроградского ЧК «за принадлежность к контрреволюционной деятельности»⁴ был расстрелян. «Известия Петроградского Совета...» охарактеризовали Никольского как «видного деятеля монархических организаций – неисправимого черносотенца»⁵.

В шестом (июньском) номере «Вестника литературы» в некрологе, посвященном Никольскому, говорилось, что, судя по официальному сообщению, у него «при обыске оказались оружие и документы, указывавшие на его причастность к заговору против Советской власти»⁶. Действительно ли он принимал непосредственное участие в каком-то заговоре? Как справедливо отмечает архивист С. В. Шумихин, «психологи-

¹ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4а. Л. 329б.

² Монархист и Советы... С. 371.

³ Никольский Б. В. <Некролог> // Вестник литературы. 1919. № 6. С. 13.

⁴ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4а–4б. Архивная справка. Л. 3.

⁵ Известия Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 21 июня 1919 г. № 137 (330).

⁶ Никольский Б. В. <Некролог> // Вестник литературы. 1919. № 6. С. 12–13.

ческая откровенность писем Никольского <К Садовскому. – Д. С.> убедительна; все, что нам известно о его характере, позволяет скорее предположить презрение к тайной заговорщической деятельности и “эзопову языку”¹. Еще в апреле 1918 года на страницах своего дневника Никольский выразил отношение к монархическим заговорам. «...По существу все эти разговоры <О монархическом заговоре. – Д. С.> сейчас не политика, не деятельность, а просто беспокойство голодающих буржуев, которым есть нечего и которые воображают, что нужно только посадить начальство покруче, и мигом явится и хлеб, и млеко, и мед, и железнодорожное движение, и курс рубля и все прочее, чего нам так долго не видать наяву. Нет, голубчики, полно вам на шармачка уходить, – вы поголодайте, проклятые, поголодайте, лодыри, свиньи, неряхи, дармоеды, поучитесь, подлое племя, стоять на своих ногах и работать, попомните немецкие колотушки!»² «Тем не менее, – отмечает далее Шумихин, – уверенно утверждать непричастность Никольского к антибольшевистскому заговору, опираясь только на содержание его писем к Садовскому, равно как и видеть в этих письмах лишь изощренную конспирацию – одинаково некорректно»³.

Некоторые свидетельства об обстоятельствах расстрела, правда, полулегендарного характера, известны нам из дневников З. Н. Гиппиус, которая отмечает, что имущество и библиотеку его конфисковали, а жена его якобы сошла с ума. Поэтесса приводит также следующий, скорее всего не соответствовавший действительности, факт: сын Роман, явившийся вскоре после этого трагического события во «Всеобуч» (всеобщее военное обучение), услышал со слов комиссара, что тело Никольского после расстрела в Петропавловской крепости было скормлено зверям Зоологического сада. По словам Гиппиус, «зверей Зоологического Сада, еще не подошедших, кормят свежи-

¹ Монархист и Советы. Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому. 1913–1918 гг. С. 347.

² РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4а. Л. 195а–195б.

³ Монархист и Советы... С. 347.

ми трупами расстрелянных, благо Петропавловская крепость близко, – это всем известно», хотя родственникам об этом ранее не объявляли¹.

Согласно материалам следственного дела Никольского, хранящегося в архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области², Никольский был арестован 17 мая 1919 года «в связи с фильтровкой служащих и сотрудников Комитета по военным делам» вместе с подданной Швейцарии Эмилией Эмильевной Коллен³. Оба до ареста проживали в одном доме: Никольский – по адресу: Знаменская ул., д. 12/28, кв. 21; Коллен – по адресу: Знаменская ул., д. 12/28, кв. 3. Э. Э. Коллен с 24 января 1919 г. состояла на службе в Комитете по военным делам «в качестве машинистки технического бюро отдела агитации и популяризации идей милиционной системы», Никольский «служил в военно-научной секции Всеобуча в качестве нештатного постоянного сотрудника, принимал участие в заседаниях коллегии и читал лекции по милиционной системе и вопросам, связанным с ней». Арестованный утверждал, что он «оставался на службе по Военному Комиссариату единственно в силу приказов РВС № 260, 833 и др., лишивших его до конца военных действий возможности вернуться к его прямым обязанностям по Воронежскому Университету»⁴. При аресте Э. Э. Коллен чекисты обнаружили и доставили в ЧК «9 штук солдатских простыней», «переписку разного рода» и 200 рублей⁵; при аресте Б. В. Никольского – «переписку, принадлежавшую гр. Б. В. Никольскому», документы, 55 рублей, нож в чехле,

¹ Гиппиус З. Н. Дневники. М., 1999. Т. 2. С. 221.

² Архив Главного Управления Федеральной Службы Безопасности (ГУ ФСБ) по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Архивно-следственное дело № П-92726; См. также: Стогов Д. И. «Ничто мне в этом мире не забава, и жизнь мне ряд трудов, а не утех» // Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Т. III. СПб., 2005. С. 258–260.

³ Архив ГУ ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Архивно-следственное дело № П-92726. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 5.

две связки ключей¹. Таким образом, как мы видим, вопреки публикации в «Вестнике литературы», никакого оружия, кроме ножа, у арестованного найдено не было. Как говорится в «Заключении по делу...», датированном 28 мая 1919 г., «произведенным следствием, допросом арестованного и обыском, произведенным у него на квартире, связи с контрреволюционными организациями не установлено». Следовательно, ни в каком заговоре против советской власти Никольский не участвовал. Арестованные были помещены на время следствия в Дом предварительного заключения².

31 мая 1919 года вышло постановление Следственного отдела Петроградской Губернской ЧК об освобождении Э. Э. Коллен «за недоказанностью обвинения»; дело по обвинению ее было прекращено, а дело по обвинению Никольского следствием продолжено³. Через некоторое время, 12 июня 1919 года, вышло постановление по делу Никольского Петроградской Губернской ЧК, гласившее: «Гражданина Никольского, как убежденного организатора Союза Русского Народа, проникшего в военную организацию с целью шпионажа, – расстрелять <Подчеркнуто в тексте документа. – Д. С.>; дело следствием прекратить и сдать в архив»⁴. При этом какие бы то ни было доказательства якобы имевших место фактов шпионажа в следственном деле отсутствуют.

Также в «деле» нет и документов, связанных непосредственно с обстоятельствами расстрела Никольского; нам неизвестна даже дата приведения приговора в исполнение. Документы о месте захоронения расстрелянного также отсутствуют. Кроме постановления о расстреле сохранилась еще резолюция на «Заключение по делу № 9471 об Эмилии Эмильевне Коллен и о Борисе Владимировиче Никольском». Она датируется 7 июня 1919 года и гласит: «Как убежденного организатора Союза Русского Народа, проникшего в военную

¹ Там же. Л. 8.

² Там же. Л. 13.

³ Там же. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 15.

организацию с целью шпионажа, расстрелять»¹. Последний документ дал основание 16 февраля 2002 года для регистрации смерти Б. В. Никольского в отделе ЗАГС Департамента Санкт-Петербурга². Как отмечалось выше, сообщение об уже состоявшемся расстреле Никольского было опубликовано в печати 21 июня 1919 г. Таким образом, точная дата его гибели нам не известна.

В июле 2002 года в Военной прокуратуре Северного флота, в соответствии с п. «б» ст. 3 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. (с последующими изменениями и дополнениями), следственное дело Никольского было «пересмотрено без заявления, в порядке надзора и исполнения вышеназванного Закона» и других юридических документов. Согласно Заключению о реабилитации, утвержденному военным прокурором Северного флота генерал-майором юстиции В. Н. Муловым, «анализ материалов данного дела показал, что достаточных и достоверных доказательств виновности Никольского в совершении инкриминируемого ему деяния в деле не имеется», не имеется и «каких-либо свидетельских показаний или документов, которые указывали бы на совершение Никольским государственного преступления, а именно шпионажа»³. Никольский был полностью реабилитирован, и 19 августа 2002 года Военной прокуратурой Северного флота была выдана соответствующая справка⁴. Правда, в обоих документах явно ошибочно указана дата гибели Никольского – почему-то (без ссылки на источник) 7 июля (а не июня) 1919 года, неверно указан и год его рождения (1869-й, а не 1870-й). Богатая библиотека Никольского была конфискована, а книги разошлись по крупнейшим книгохранилищам Петрограда. Большая часть библиотеки до сих пор хранится в фондах Российской национальной библиотеки (РНБ, Санкт-

¹ Архив ГУ ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Архивно-следственное дело № П-92726. Л. 13.

² Там же. Л. 18, 20.

³ Там же. Л. 19.

⁴ Там же. Л. 21.

Петербург)¹. Изначально в ней хранились, в частности, редкие рукописи религиозного и мистического, масонского содержания, относящиеся преимущественно к XVIII веку, которые, скорее всего, собирал еще отец Никольского, и представляющие несомненный научный интерес².

Жизнь Никольского оказалась богатой на события. Ему пришлось пережить все – стремительные взлеты в своей карьере и провалы как на литературном поприще, так и на научном; возраставшую с каждым днем популярность среди студентов и невообразимую отчужденность в отношениях с коллегами по университету; относительно благополучные, пусть хотя и более чем скромные, условия существования и крайне тяжелое во всех отношениях положение в голодные годы Гражданской войны. Но нам, православным людям, при обращении к жизни и трудам Никольского необходимо в первую очередь понимать следующее: этот человек до конца дней своих был предан православно-монархической идее, в духе которой были воспитаны его предки и он сам, и никогда на протяжении своей жизни он не изменял своим идеалам. Никольский любил свою Родину – Россию и видел свою миссию на Земле в служении Богу, Царю и Отечеству.

* * *

Проанализируем особенности мировоззрения Никольского и некоторые его произведения. Как уже отмечалось, взгляды ученого и политического деятеля на протяжении всей жизни не претерпели существенных изменений. Их фундамент сформировался еще в детстве. Это в первую очередь глубокое религиозное чувство и бесконечная преданность своему Отечеству. Исключение составляет, пожалуй, лишь

¹ Подробнее о судьбе библиотеки Б. В. Никольского см.: Грин Ц. И., Третьяк А. М. Б. В. Никольский (1870–1919). Судьба ученого, книжника на изломе истории // Публичная библиотека: люди, книги, жизнь: Сборник статей. СПб., 1998. С. 46–57.

² ОР РНБ. Ф. 520. Оп. 1. Д. 432–445.

тот факт, что, как уже говорилось, в юности Никольский одно время испытал, подобно многим своим сверстникам, мимо-летное увлечение либерализмом. Но по прошествии времени он занял сугубо консервативную позицию по многим вопросам. Когда это произошло? О том нам, по крайней мере на настоящий момент, равно как и о том, насколько далеко зашло то временное увлечение либерализмом, с определенной точностью не известно. Можно лишь сказать то, что, по-видимому, к 1894–1896 годам оно полностью прошло. Об этом свидетельствует ряд важных, на наш взгляд, фактов. Так, известно, что в указанное время Никольский испытал ряд существенных трудностей, таких как неприятности по службе и связанное с этим «ощущение катастрофы». Известно также, что примерно в это же время он уничтожает дневник своей юности. Что могло подвигнуть его на сей решительный шаг – досконально не известно. Однако вполне резонно предположить, что именно в тот период жизни Никольского окончательно формируется его мировоззрение, его принципиальная позиция по ряду философских и общественно-политических вопросов. По крайней мере, абсолютно точно известно, что в ту пору, когда Никольский начинает вести новый дневник, уже дошедший до наших дней, то есть к концу 1896 года, мировоззрение мыслителя полностью и окончательно сформировалось. Оно практически не изменилось до последних дней его жизни; правда, могли меняться оценки каких-либо исторических событий, политических деятелей и деятелей науки и культуры, но не более того. В остальном же позиция Бориса Владимировича оставалась твердой и непреклонной.

Никольский всегда оставался глубоко православным человеком. Из дневника известно, что он посещал церковную службу, правда, не регулярно. Никольский, как и один из идеологов Русского собрания, считал, что «Православная Церковь должна сохранить в России господствующее положение», что «ей должна принадлежать свобода самоуправления и жизни», что «голос ее должен быть выслушиваем законодательной властью в важнейших государственных вопросах», что «в осно-

вание церковного и государственного строительства должно быть положено устройство прихода как правоспособной и дееспособной церковно-гражданской общины»¹. Подобные мысли не раз встречаются на страницах дневника.

Приведем, к примеру, высказывание о церковной службе (май 1898 г.): «И сколько чудного смысла в единообразии церковной службы, в ее вечных формах, ежедневно полных новою жизнью! Уж если где поэзия, так это в ней. – Разве не восхитительно, что никакое великолепие, никакая роскошь храма не смущают, не подавляют человека из простонародья. <...> В церкви есть: и архитектура, и живопись, и музыка, героическая история; священнодействие, поэзия, единство, привет, ласка, благословение»². Никольского нельзя причислять к тем людям, которые целиком и полностью всегда исполняли досконально все православные обряды: таких людей в те времена (как, впрочем, и сейчас) вообще оставалось очень мало. В дневнике он нередко допускал различные суждения, которые с точки зрения ортодоксального христианства можно было бы назвать еретическими. Мы уже отмечали, что в юности Никольский серьезно увлекался различными философскими течениями, зачастую не имевшими ничего общего с ортодоксальным христианством. Самойлович даже называл его в своих мемуарах «убежденным кантианцем»³.

Уже в 1900 году в дневнике Никольского встречаем такой пассаж, заключающий в себе ярко выраженную идею антропоцентризма: «И вот моя философия. В ней я, разум, дух становятся космической силою. Власть дуализма я <Подчеркнуто автором дневника. – Д. С.> и мира, остается мир и в безднах его бесконечности, одним из космических множителей, является бесконечность иксов плюс один икс... Иными словами, подзаконность, закономерность сознания гласит, что мир есть представление, т.е. что я – творец мира. “Космическая сила,

¹ Цит. по: Платонов О. А. Император Николай Второй. Жизнь и царствование. С. 67.

² РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 49.

³ Самойлович А. В. Пушкинист Б. В. Никольский... С. 40.

творящая мир?» – Да, ибо, творя мир, или познаваемое, она творит и себя, как познаваемое. Бытие мира есть бытие нашего я изнутри я; а наше я снаружи есть бытие познаваемого мира. Вот зерно всего моего мировоззрения¹. Таким образом, в философских взглядах Никольского самым непревзойденным образом сочетались традиционные идеи Православия и идеи, близкие западноевропейской философской мысли.

В отличие от многих деятелей Церкви Никольский выступал за взаимодействие религиозного учения с научным познанием. В апреле 1901 года он записал в своем дневнике следующие мысли: «Наше время другое. Церкви теперь предстоит иная проповедь. Ее слово звучит теперь не только для детей. Вера может не быть наукою; но вера должна быть не слабее науки. Наше язычество либо учено, либо полупросвещенно. Поэтому церковная проповедь должна быть научна. Богословие должно быть не беднее любой науки... Христианство призвано мир освящать. Если христианство вселялось в языческие храмы, то как не вселиться ему в научные книги... Не бояться надо мирской силы, а идти в ее стан. Не открещиваться, отплевываться, отворачиваться и не слушать, но напротив: убедиться, что никакое знание вере не опасно... Я думаю, что Церковь не должна бояться языческого сотрудничества»².

По своим собственным словам, однако, Никольский всегда выступал за приоритет традиций и обычаев в жизни православного христианина. В 1903 году он записал в своем дневнике: «...К вере и религии можно прийти какими угодно путями; но вне Церкви нет спасения. Вся задача в том, чтобы найти возможность молитвы. Этот дар утрачен нашею непростотой, а довести утонченность мысли до способности к молитве – едва ли не более высокий дар, чем простая молитва»³.

Вообще, Никольский прежде всего обращал внимание на нравственное значение Православия. В мае 1902 года он записал в своем дневнике: «Какая главная добродетель? Справед-

¹ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 132 об.

² Там же. Л. 170 об.

³ Там же. Л. 215.

ливость. В чем основа религии? В энергии и справедливости. В энергии потому, что она исключает ропот, а не верует только тот, кто ропщет. В справедливости потому, что справедливый в счастье помнит о своем долге, а в несчастье о своих грехах: потому он благодарен и не унывает... В наш век неверие неизмеримо худший и более сильный и слепой предрассудок, чем какой угодно религиозный фанатизм»¹.

Другой, столь же незыблемый для Никольского идеологический постулат – это приверженность монархической идее. Из дневника известно, что в 1905 году он читал лекции о понятии Самодержавия, о его истории и необходимости его сохранения. «Моею целью было идейно разъяснить внутренний смысл Самодержавия, его необходимость, а вовсе не его неизбежность... Не быть ему нельзя. Я всегда готов повторить слова Леонтьева: “На что нам Россия не православная и не самодержавная! Быть или не быть России, быть или не быть Самодержавию – одно и то же”», – замечает в своем дневнике его автор². Уже в то время, когда монархия в России пала, а у власти оказались большевики, Никольский по-прежнему отстаивал монархические идеалы. В письме к Б. А. Садовскому, датированном 28 декабря 1917 года, Никольский, кроме всего прочего, писал: «Патриотизм и монархизм одни могут обеспечить России свободу, законность, благоденствие, порядок и действительно демократическое устройство, и только патриоты-монархисты смогут вывести ее из нового лихолетья»³. При этом монархизм Никольского, его трактовка мало чем отличались от аналогичных воззрений ведущих представителей правоконсервативного течения в русской общественно-политической мысли, таких как И. С. Аксаков, К. Н. Леонтьев, М. Н. Катков, Л. А. Тихомиров⁴.

¹ Там же. Д. 46. Л. 201.

² Там же. Л. 238 об.

³ Там же. Д. 4а. Л. 114а.

⁴ И. С. Аксаков: «Не бездушным, искусно сооруженным механизмом является власть в России, а с человеческою душою и сердцем... Нет, не рабами, по мысли и чувству народному, властвует Русский Царь, а над свободными о Христе людьми Божиими, равно искупленными кровью Спасителя...» (Аксаков И. С. В день коронации Александра III // Русь, 15 марта 1884 г.).

Таким образом, воззрения Никольского на природу самодержавной власти являются в принципе типичными для правомонархической среды. Отсюда и так распространенная в этой среде критика «чужеземной династии» и абсолютизма. Вот точка зрения на сей счет самого Никольского, относящаяся к апрелю 1905 г.: «Что общего между западным абсолютизмом, выросшим на почве феодально-сословной, и нашим самодержавием, порожденным высшим напряжением национального демократического и религиозного духа? Вас <То есть Императора Николая Второго. – Д. С.> никто не выбирает, но в идеальном смысле Вашего значения Вы все-таки выборный всей земли Русской и даете Самодержавию высшее идейное содержание. Вы первая жертва за Россию, Вы первый предстатель за свой народ. Этим-то и объясняется особенное отношение к Вам народа»¹. Итак, Никольский, как и другие мыслители правой ориентации, видел в самодержавном монархизме прежде всего идеал высшего служения Помазанника Божьего – Православного Царя – своему народу.

Как правовед Никольский очень много рассуждал о природе государственного права вообще. Вот одно из суждений Никольского, относящееся еще к январю 1899 года, в котором он, на наш взгляд, точно уловил разницу между западноевропейским и русским представлениями о праве и обнаружил себя как сторонник теории, рассматривающей государственное устройство в качестве системы мандатов: «...Дело в том, что власть едина и единолична. Теория народовластия верна в основе. Источник власти – народ. Ему нужен представитель, т.е. неограниченный и самодержавный монарх. Но теперешняя теория говорит: ему нужны представители (конституционализм), или же: монарху нужны представители (монархический бюрократизм). Я же отрицаю и то, и другое. Монарх – только представитель народа; но и только монарх представитель народа. Передоверие представительства невозможно. Возможны только мандаты. Власть поручается, но не доверяется... <Подчеркнуто Б. В. Никольским. – Д. С.> И у монарха есть мандат:

¹ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 239.

царь – мандатарий Божий. Монарх – Помазанник – таким образом, власть мгновенно ограничивается в неограниченной монархии... От монарха идет лестница мандатов. У Царя мандатарии только министры и губернаторы. У них уже мандатарии – директора и т.п.»¹. Таким образом, Никольский выступал резко против какого бы то ни было ограничения самодержавной власти представительными органами власти. Правда, следует отметить, что к 1905 году по этому вопросу он высказался уже не так категорично. Так, в марте 1905 года в беседе с В. Б. Фредериксом, согласно дневниковой записи, Никольский высказал следующую мысль: «Самодержавие согласуемо с какими угодно реформами, не только либеральными, но прямо радикальными. Согласуемо оно, стало быть, и с выборным началом, ибо собрание выборных, по воле Самодержавного Государя созданное, Самодержавию не противоречит, если у Царя находятся честные исполнители его воли...»².

Б. В. Никольский, продолжая славянофильскую традицию, в последние годы своей жизни, уже при большевистской власти, пытался осмыслить будущее монархической идеи. Так, он писал в 1918 г. Б. А. Садовскому: «Та монархия, к которой мы летим, должна быть цезаризмом, т.е. таким же отрицанием монархической идеи, как революция. До настоящей же монархии, неизбежной, благодатной и воскресной, дожить я не надеюсь. До нее далеко и путь наш тернист, опасен и мучителен, а наша ночь так темна, что утро мне даже не снится <...> Чем большевики хуже кадетов, эсеров, октябристов, Штюрмеров и Протопоповых? Ничем. Россию правит сейчас карающий Бог и беспощадная история, какие бы черви ни заводились в ее зияющих ранах...»³.

Для характеристики политических идеалов Бориса Никольского следует остановиться также более подробно на вопросе о том, что он понимал под термином «правлящая элита» и какое сословие он рассматривал в качестве правящего.

¹ Там же. Л. 76 об.–77.

² Там же. Л. 239 об.

³ Там же. Д. 4а. Л. 185 б–186а.

Традиционно считается, что монархисты видели, как это в общем-то и было на деле, в качестве правящего сословия, в качестве своеобразной элиты общества дворянство, то есть в первую очередь – крупных землевладельцев, помещиков. Однако Никольский достаточно скептически относится к роли и месту дворянства в организации русского общества. В своем дневнике еще в 1897 году он полемизирует с точкой зрения видного консервативного писателя и публициста, издателя газеты «Гражданин», организатора крупнейшего правоконсервативного салона князя В. П. Мещерского, напечатавшего без указания своей фамилии статью в «Московских ведомостях» о роли и месте дворянства. Мещерский считает: «<...>В сущности наше дворянство было историческим созданием государственной власти, служебным ее учреждением. <...> Что же мудреного, если и дворянство, внезапно лишенное своих прав и преимуществ, утратило в лице отдельных своих представителей ясное сознание своего государственного значения?»¹

На это Никольский возражал так: «...Это вздор и ложь. Ведь попытки пошатнуть монархическую власть всегда <Подчеркнуто Б. В. Никольским. – Д. С.> исходили из дворянской среды... Дворянство – умирающая политическая традиция; духовенство – призвано ему на смену»². Таким образом, по его мнению, именно духовенство должно было бы стать со временем главенствующим сословием в возрождающейся России, ибо, естественно, Никольский, как и другие черносотенцы, критично относился к ситуации в России того времени.

Почему именно духовенство? Вот как объясняет на страницах своего дневника это положение сам автор: «Жаль его <Дворянства. – Д. С.> широкой, просторной жизни, со столетними садами, от которых лишь отдельные липы уцелели среди заводов, дач, мелочных лавочек... Жаль его политически: жаль первобытной нашей крепостной организованности, часто жестокой, но не всегда могучей... Дворянство кончено и нужно

¹ Московские ведомости. 25 марта 1897 г. № 83. С. 2 (статья помечена датой – 24 марта).

² РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 4 об.

искать нового, не поместного, но близкого народу сословия. Таково духовенство... Имений нет, господа все вышли, но церкви целы и пока остались. Дайте попам средства, уничтожьте сборы за требы, да наложите на духовенство побольше обязанностей, побольше ответственности и повысьте образовательный ценз, а кроме того сделайте и духовенство повлиятельнее в жизни...»¹. Таким образом, его позиция по данному вопросу близка к позиции так называемого народного монархизма, идеи которого разрабатывались частью правых мыслителей, в особенности И. Л. Солоневичем². Обязанности священника Никольский в этой связи видит прежде всего в осуществлении бесплатного обучения народа, а также представительства своего прихода и судебных функций в качестве мирового судьи³.

В связи с затронутым здесь вопросом о правящей элите и ее роли следует коснуться и темы, связанной с отношением Никольского к другим сословиям. Разумеется, что, как и другие правые, он отстаивал основы сословного строя⁴, однако отношение к различным группам населения у него существенно отличалось от общепринятых в монархической среде.

Еще в 1896 году Никольский высказывался по аграрному вопросу так: «Мой идеал России – огромное потребительское общество, в котором народ, т.е. мелкий землевладелец, сидит на земле, исключительно ею владея; правительство же руками преступников производит нужные для народа и себя продукты обрабатывающей промышленности... Если крестьяне с самого начала были наделены недостаточно, то это было гнусно и плоды этого – гнусны... Нужно перерешить реформу 61-го года. Отнять землю нельзя, крепостное право создать вновь уже невозможно; значит, надо отдать всю землю народу. В крайнем

¹ Там же. Л. 3 об.–4.

² См.: Солоневич И. Л. Дух народа // Наш современник. 1990. № 5; Только монархия // Положение дел. 1991. № 3.

³ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 5.

⁴ В марте 1905 года Б. В. Никольский в дневнике пишет следующее: «Православие, самодержавие, народность и сословность. Это четыре устоя (Подчеркнуто Б. В. Никольским. – Д. С.). Пока нет сословности, будут революции». (РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 235 об.).

случае, по аналогии старой барщины, ввести рабочие повинности, вроде повинности воинской, если нельзя будет иначе. Факт тот же: государство должно стать помещиком, соединить в одно целое деревню, город и фабрику»¹.

Таким образом, позиция Никольского по аграрному вопросу несколько отличалась от общепринятой в правомонархических кругах. В этой связи достаточно рассмотреть Устав Союза Русского Народа (1906 г.), где только лишь говорится о «расширении крестьянского землевладения на началах неприкосновенности земельной собственности, а также о передаче земли малоземельным крестьянам на выгодных для них условиях и по доступным ценам»². А вот позиция по аграрному вопросу самого Государя. Принимая 18 января 1906 г. депутацию крестьян Карской губернии, Царь сказал: «Всякое право собственности неприкосновенно; то, что принадлежит помещику, принадлежит ему, то, что принадлежит крестьянину, принадлежит ему. Земля, находящаяся во владении помещика, принадлежит ему на том же неотъемлемом праве, как и ваша земля принадлежит вам»³. При этом заметим, что, как и многие его соратники по черносотенному движению, Никольский выступал за сохранение крестьянской общины⁴.

В этот же период своей жизни он изложил свою позицию по рабочему вопросу: «Рабочий вопрос, строго говоря, есть вопрос о пролетариате: как заставить повиноваться, работать и соблюдать законы того, кому нечего терять? Для этого два средства, вернее – одно: устроить так, чтобы у всякого было что-нибудь, чтобы всякий остерегался, как бы не лишиться того, что у него есть или что он должен получить. Первое – наделенное землею крестьянство, второе – надеющиеся на пенсию или страховое вознаграждение застрахованные рабочие...». Никольский (и здесь его позиция также значительно

¹ Там же. Л. 23.

² Устав общества под названием «Союз Русского Народа». СПб., 1906.

³ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 338.

⁴ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 200.

отличалась от точки зрения, изложенной в программных документах СРН) даже допускал наличие рабочих организаций, правда, ввиду большого распространения среди рабочих «антигосударственной пропаганды» и «индивидуального анархического озорства», считал необходимым «правительственный надзор за этими рабочими организациями»¹.

Судя по дневнику и письмам, интеллигенцию как прослойку общества с присущими ей либеральными взглядами Никольский глубоко презирал и уж ни в коей мере не причислял себя к ней. В дневнике часто встречается выражение «так называемая интеллигенция». Приведем здесь одно очень характерное размышление автора дневника об интеллигенции, относящееся к 1898 году и показывающее, насколько выше интеллигенции Никольский ставил простой, хоть и малограмотный, русский народ: «И любопытно, что всякая “интеллигентщина” груба, нахальна, и, главное, смущена и стеснена, растеряна именно там, где народ себя чувствует всего более дома. “Интеллигент” в церкви совершенно напоминает мне хама, попавшего в изящное общество: беспокойная развязность, незнание, куда девать руки, как держать шляпу, смущение при каждой мелочи и потому торопливость каждого жеста, каждого взгляда, – что за пошлое, противное зрелище. И как ярко рядом с ним заметно радостное, хотя и глупое и неученое, молитвенное усердие простонародья»².

В дни студенческих беспорядков 1899 года Никольский записал: «...А другое, что здесь ясно, – это инородческий дух “интеллигенции”, а еще более того – ее инородческий состав. Это и давно было, да в глаза не бросалось; а теперь яснее дня»³. Профессоров Никольский именует «праздными болтунами», «презренными инфузориями», для которых характерна «холопская трусость»⁴. А вот более позднее высказывание (1905 г.): «...Точно в церкви: что м<ожет> б<ыть> глупей и

¹ Там же. Л. 7 об.–8.

² Там же. Л. 49.

³ Там же. Л. 92–92 об.

⁴ Там же. Л. 86 об.

беспощаднее положения “интеллигента”, попавшего в церковь?.. А “интеллигент”? Стесняется, старается быть развязным, оглядывается исподтишка, – перекрестится, так некстати; священник возгласит “Мир всем”, а он крестится; начнут читать апостол – он увидит, что “батюшка сел”, заключит, что прочие, значит, стоят из неинтеллигентного усердия, и тоже присядет отдохнуть; войдет в церковь, оглядывается, – “где здесь говеют”? – Снова добродушный смех, улыбка и кивание головою во время этой тирады, как на метко замеченные знакомые мелочи¹. Никольский презирал интеллигенцию за трусость, продажность, пустозвонство, неспособность приносить существенную пользу России и русскому народу. В целом подобное отношение к интеллигенции характерно для консервативных кругов. Достаточно вспомнить хорошо известное мнение об этой социальной прослойке, высказанное на страницах своих мемуаров, посвященных, правда, уже более поздним событиям, атаманом П. Н. Красновым. Он, в частности, пишет о «трусливой интеллигенции», сидевшей в годы революционной смуты «по подвалам и погребам», трясшейся за свою жизнь².

Таким образом, несмотря на свои взгляды, в целом характерные для консерваторов, по ряду вопросов позиция Никольского существенно расходилась с традиционной для данной части политического спектра. Она в гораздо большей степени оказывается приближенной к нуждам и чаяниям народных масс. Возможно, на формирование подобных взглядов оказало влияние социальное происхождение их автора (сельское духовенство), что и способствовало увеличению религиозности и приверженности к простонародью.

Особая тема, отчетливо обозначенная в дневнике, – это отношение Никольского к армии, к правительственному террору, к революционному движению в широком смысле этого слова, а также его позиция по национальному вопросу.

¹ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 239.

² Краснов П. Н. Всевеликое войско Донское // Белое дело. Дон и Добровольческая армия. М., 1992. С. 5.

На протяжении всей своей жизни он всегда выступал за жесткую дисциплину и порядок в государстве. О роли и значении порядка он неоднократно писал на страницах своего дневника. Еще в январе 1901 года мы встречаем следующее высказывание: «Церковь есть идеал общения в любви и свободе. Монархия дает обществу дисциплину, и это – ее высшая благодать. Но дисциплина создает товарищество, единство, религию, философию, идеализм, – убив дисциплину, вы убьете дух: не нагнетаемый, он с высот упадет и распластается в свиной грязи. Смерть монархии – праздник свиных элементов: история и позитивизм, самодовольный и корыстный дух шаек, свиной национализм, личные тщеславия, писаревщина и соловьевщина, жидовщина и пр.»¹. Таким образом, в сознании Никольского идея порядка и дисциплины была прочно увязана с православно-монархической идеей, что вообще было характерно для черносотенного движения в целом.

В феврале 1899 года Никольский, сам уже преподававший к тому времени в университете и явившийся свидетелем студенческих беспорядков, решительно выступил против них. Он пытался выявить причины этих драматических событий и пришел к выводу, что во многом виноваты сами власти, использовавшие тактику заигрывания с либерально-революционной частью студенчества, тактику подачек, послаблений и снисхождений². Вот одно очень характерное для Никольского высказывание: «...Ведь я же знаю, что последствия дикого сентиментальничанья власти будут так опасны и горьки, что больно и подумать... Все пойдет насмарку, и бессмысленное колебание политики породит только озлобление, которого никогда бы не могло возникнуть, если бы не уступка шарлатанскому фарсу, разыгранному праздною городскою сволочью на почве студенческих беспорядков. К чему поблажки? Жалкое время»³.

В 1901 году, под впечатлением проходивших тогда вновь студенческих беспорядков, а также рабочих манифестаций,

¹ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 158 об.

² Там же. Л. 82 об.

³ Там же. Л. 88 об.

Никольский отмечает в своем дневнике: «Теперь образуются скопления студентов, фабричных: прекрасно, введите принудительную организацию, введите суровые законы... Необходима строгая дисциплина, строгая организация и строгие законы. Тогда создадутся кадры, создастся строй... Строгая подчиненность, исключительные законы, дробная группировка: вот устройство армии. Таково же должно быть и устройство студентов...»¹. Таким образом, Никольский выступал за введение армейской дисциплины во всех общественных сферах.

В годы революции 1905–1907 годов он, как уже отмечалось, решительно выступил за ее подавление. Выше уже цитировались характерные выдержки из его «Всепопданнейшей речи», произнесенной 31 декабря 1905 года. Террор, по мнению Никольского, «средство самое верное и неотложное». «Когда на пять-шесть наших они потеряют 50-60 своих вождей, весь террор как рукою снимет, и надолго», – замечает он в своем письме в Вологду (адресат не указан) в 1906 году². Тогда же Никольский в письме к одному черносотенному деятелю заявил следующее: «Решительные меры хороши только тогда, когда все уверены, что они будут приниматься настойчиво и последовательно. Если же сменять энергичные меры малодушными уступками, то лучше и не начинать»³. В контексте своих воззрений он оправдывал и правительственный террор против зачинщиков революции, однако в случае, если, по мнению Никольского, правительство не справляется со своими задачами, можно, по его словам, допустить и черносотенный террор. Вот выдержка из другого письма, относящегося к тому же времени: «Но если на их террор ответить своим террором и за каждого убитого нашего избивать по пять, по десять главарей краснотряпичников, они скоро очнут. Главное то, что ответный террор должен выражаться не открытым погромом над ничтожною мелюзгой, а тайным истре-

¹ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 172 об.

² Материалы для характеристики контрреволюции 1905 года (из переписки Б. Никольского с Антонием Волынским). Публикация Ш. Левина // Былое. Исторический альманах. 1923. Кн. 21-я. С. 181.

³ Там же. С. 182.

блением, и притом заведомых главарей: не местных даже агитаторов, а именно общеизвестных руководителей...»¹.

Что же касается национального вопроса, то Никольский, как и многие его соратники по Русскому собранию и другим правым организациям, выступал за единую неделимую Россию без каких-либо национальных автономий. В его дневнике имеются некоторые высказывания по польскому, финскому и еврейскому вопросам, которые мы и попытаемся здесь проанализировать. Еще в августе 1897 года Никольский высказал свое отношение к идее федерализма: «Поляки, вероятно, мечтают о федеративной России; финляндские лавры не дают им покою. Данилевский мечтал о русской федерации славян; нам приходится бороться с мыслью о федеративной России. Федеративная и конституционная монархия – вот на чем, по-видимому, начинают сходитьсь наши болтуны, хотя мысль о конституции слишком ослабела и дискредитировалась... Государство как союз личностей возможно в небольших военных республиках, но не в империях. Империя должна быть самодержавна и демократична. Я стою за централизацию власти и децентрализацию ответственности»². В марте 1899 года Никольский подробно изучает различные материалы по финляндскому («чухонскому») вопросу и, называя финнов «глупым и злым народом»³, не находит никаких доводов в пользу сепаратистского движения в Финляндии, хотя и отмечает, с другой стороны, «несносность» нахальства «чухноедов»⁴.

Отношение Б. В. Никольского к евреям – тема для особого разговора. В литературе утвердилось мнение о его ярко выраженном антисемитизме, патологическом неприятии евреев⁵. Данное наблюдение делается, как правило, на основе как днев-

¹ Там же.

² РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 25 об.

³ Там же. Л. 89 об.

⁴ Там же. Л. 90 об.

⁵ См., напр., уже упоминавшееся предисловие С. В. Шумихина к публикации писем Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому «Монархист и Советы», предисловие Д. О. Заславского к публикации отрывков из дневника Б. В. Никольского за 1905–1907 гг. в «Красном архиве» (т. 63, 1934 г.) и т.д.

никовых записей, так и публичных выступлений их автора, а также главным образом благодаря отношению Никольского к делу Бейлиса, когда он полностью поддержал сторону обвинения. Действительно, как дневниковые записи, так и публичные выступления пестрят уничижительными характеристиками евреев, а также утверждениями о наличии революционного «жидомасонского заговора»¹. Безусловно, Никольский, как уже и отмечалось, обладал некоторым чувством презрения к инородцам вообще: «Русские соки отвлекаются к делу, к работе, бродят лишь неприспособимые элементы, вроде поляков, жидов, армяшек, латышей и пр. сволочи»². Приехав на отдых в Сестрорецк в 1901 году, он с явным раздражением отмечает тот факт, что на курорте «комаров почти нет», а «жидов – несметное количество», хотя «особенно назойливых и наглых» автор дневника пока не видит³. Однако думается, что при оценке подобных высказываний нельзя не учитывать следующие моменты:

1. В дореволюционной России слово «жид» (то же, что и «еврей») являлось общеупотребительным и не имело уничижительного и пренебрежительного оттенка. Достаточно вспомнить произведения русских классиков, таких как Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский и многие другие, часто использовавших данное слово в своих литературных произведениях. Как известно, само оно пришло к нам из польского языка и означает «иудей», то есть не национальную, а религиозную принадлежность определенных людей.

2. Следует учитывать, что подобные высказывания, характеризующие оскорбительным образом евреев, писались

¹ В этой связи очень характерна выдержка из дневника, относящаяся к февралю 1916 г.: «И кругом него <Императора Николая II. – Д. С.> жида, жида, – как блохи, как паразиты, пожирающие гада, пресмыкающегося в зловонной трясине. Нет, тут есть заговор, как был он и в 1905 году, но не заговор немецкий, а тот же масонски-жидовский. Те же мартинисты захватили ниточки и губят вымирающую династию, захватив ее гнилые похоти, слабости, неврастенические порывания и пристрастия» (РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 378).

² Там же. Л. 92–92 об.

³ Там же. Л. 175 об.

автором, как правило, в моменты сильного эмоционального раздражения и являют собой лишь следствие всплеска эмоций без каких-либо практических последствий. В доказательство этого положения приведем выдержку из того же дневника, характеризующую отношение Никольского к еврейским погромам, относящуюся к сентябрю 1917 года: «В Киеве и Одессе бьют жидов. Этого только не хватало!»¹ Через несколько дней в письме к С. И. Соболевскому Никольский развивает свою мысль: «Жидов громят везде, и это худой признак. Они могут отвлечь народную злобу от главного»². «Главное» же, по его мнению, – опасность голода, разрухи, анархии и т.д. Вряд ли Никольского можно причислить к категории «погромщиков».

Известный публицист и политический деятель В. В. Шульгин в книге о причинах и сущности антисемитизма выделил три основных типа этого явления: «1. Антисемитизм расовый или инстинктивный; 2. Антисемитизм политический или рационалистический; 3. Антисемитизм мистический – в порядке “сверхчувственном”, “трансцендентальном”, “интуитивном” и так далее»³. Какой из этих типов антисемитизма преобладал в мировоззрении Никольского? Думается, все же второй. Он обладал некоторым чувством презрения к «пархатым жидам», однако все же на первое место в оценке тех или иных деятелей-евреев он выдвигал их мировоззренческие установки и политические пристрастия. Ни одна нация не дала столь большое количество революционно настроенных элементов, как еврейская. По еврейскому вопросу существует достаточно обширная литература⁴. В частности, в статье исследователя еврейского происхождения О. Буд-

¹ Там же. Д. 4а. Л. 33б.

² Там же. Л. 41а.

³ Шульгин В. В. «Что нам в них не нравится...». Об антисемитизме в России. СПб., 1992. С. 8.

⁴ См., напр., кроме выше указанной работы В. В. Шульгина, следующие издания: Бейзер М. Евреи в Петербурге. Иерусалим, 1990; Дикий А. Евреи в России и в СССР. Новосибирск, 1994; Евреи и русская революция. Материалы и исследования. М. – Иерусалим, 1999; Эльяшевич Д. А. Евреи в России. История и культура. Сб. науч. тр. СПб., 1995.

ницкого, опубликованной в сборнике «Евреи и русская революция. Материалы и исследования», приводятся следующие факты. В 1903 году в беседе с Теодором Герцлем председатель Комитета министров С. Ю. Витте указывал ему на то, что евреи составляют около половины численности революционных партий, хотя их всего 6 млн в 136-миллионном населении России¹. По данным, которые приводит американский историк Норман Неймарк, в начале XX века среди лиц, арестованных за политические преступления, евреи составляли около 30%. Около 15% членов партии социалистов-революционеров были евреями, а некоторые «максималистские и анархистские террористические группы почти полностью были еврейскими»². На V съезде РСДРП (Лондон, 1907 г.) около трети делегатов были евреями³. В составе ВЦИК первых пяти созывов, как правило, около 20% депутатов были евреями (наибольшая цифра – 22% – среди членов ВЦИК 1-го созыва (июнь 1917 г.), наименьшая – около 17% – 3-го (январь 1918 г.))⁴. Учитывая вышесказанное, следует отметить, что в сознании русского обывателя – от люмпена до интеллигента – роль евреев в русской революции представлялась еще большей, чем была на самом деле⁵.

Таким образом, Никольский, как и большинство представителей правого политического спектра, понятие «еврейство» мог ассоциировать с понятием «революционная сила», ярым противником которой, как монархист, он, естественно, являлся. Из дневника известно, что Никольскому часто приходилось вести те или иные дела с лицами еврейской национальности – прежде всего по долгу службы. Приведем несколько типичных примеров. В конце 1899 г., став приват-доцентом в университете, Никольский замечает, что ряд профессоров

¹ Будницкий О. В чужом пиру похмелье: евреи и русская революция // Евреи и русская революция. С. 3.

² Там же. С. 4.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Там же. С. 4.

являются «жидами»¹. В дневнике встречаются и такие характеристики евреев (или тех, кого Никольский считал евреями), как «“жид” по-польски», «не то жид, не то армяшка» и т.д.². В начале 1900 г. Никольский на страницах дневника делится своими впечатлениями о национальном составе студентов университета: «Из худых <Ответов. – Д. С.> самые скверные – жида и поляки. Тут и наглость, и неуважение, и нравственная дрянность»³. 1 октября 1901 г. в дневнике записано: «Приходил жид Рафаилович. Стихи – г... Мертвый язык, жидовская безвкусица и душа с дуплом вместо совести»⁴. Однако характеристики лиц еврейской национальности в дневниках и письмах Никольского не всегда являются отрицательными. К примеру, он в целом положительно оценивал известного историка Е. В. Тарле, с которым ему приходилось общаться. В январе 1918 года Никольский пишет следующее: «Я постепенно его <Тарле. – Д. С.> начинаю прямо любить. Это ограниченный, легкомысленный, не достоверный ученый, но не лишенный ни ума, ни способностей, и по душе – добрый и хороший человек. Жид, конечно, – но уж этого ничем не поправишь... А в душе у него много и не жидовского»⁵. При этом надо учитывать тот факт, что вообще в своем дневнике автор дает подчас гораздо более грубые характеристики своим единомышленникам (например, Дубровину), не говоря уж об оппонентах (больше всего здесь, пожалуй, досталось Л. Н. Толстому).

Подводя итог, можно отметить: несмотря на то что Никольский подчас высказывал в адрес евреев резкие и грубые суждения, его позиция по еврейскому вопросу была в целом далека от крайних, экстремистских, изоциренных, «пещерных», «зоологических» форм, характерных прежде всего для лидеров германского национал-социализма. Позиция Никольского относительно евреев, подобно позиции других русских

¹ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 96 об.

² Там же. Л. 110 об. (январь 1900 г.).

³ Там же. Л. 126.

⁴ Там же. Л. 183 об.

⁵ Там же. Д. 4а. Л. 119а.

правых, была обусловлена в основном политическими, в меньшей степени экономическими и религиозными, но никак не расовыми причинами.

В начале XX века в русском обществе велась острая дискуссия о роли и месте России в мире. Судя по дневниковым записям, Никольский в целом относился отрицательно к проявлениям национализма с русской стороны. «Национализм» в своем понимании он считал «домыслом». «Я национален, но не националистичен», – заявлял Никольский. И далее: «Национализм – дело умирающей нации; это агония, а не жизнь. Будь велик – и прославится твой народ; будьте великим народом – и растворятся в нем все национальности; но, растворив массу национальностей, все-таки не станете великим народом. Мы должны быть не националистичны, ибо своим национализмом фактически оправдываем инородческий национализм. Мы должны быть национальны и потому прежде всего антинационалистичны. Мы должны стереть с лица земли все ноющие в нашем мировом просторе национализмы. Если я заодно с нашими националистами, то только потому, что в их среде кристаллизуется наша сознательная национальность или, лучше, сознательность нашей национальности. А то борьба с инородческими националистами создает у нас свой, совершенно величю нашему неприличный, на инородческий лад, национализм... Quod licet bovi, non licet Jovi»¹. В этих словах перевернутой наоборот знаменитой латинской поговорки заключена вся суть представления Никольского о миссии русского народа, который он считал великим со всеми вытекающими отсюда последствиями. По его мнению, историческая роль русских как раз заключается в ликвидации всевозможных сепаратистских и националистических тенденций. Тогда же, в апреле 1904 года, Никольский продолжал развивать мысль о миссии России: «...Политика истинная возможна только при мысли о мировом призвании своего отечества. Таким мировым при-

¹ Что позволено быку, не позволено Юпитеру (*лат.*); РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4б. Л. 224 об.

званием России я считаю осуществление мысли о федеральном человечестве. Доныне все державы стремились к единому человечеству и потому искали гегемонии или владычества над миром. Я полагаю, что это дикое воззрение (хоть оно еще и царствует в мире) отжило свой век. Идея федерального человечества – идея славянофильская и особенно Данилевского. Она стихийна и бессознательна, но глубоко национальна. Из нее вся наша “бескорыстная” политика... Наша история завоевательна: мы ищем границ. Наша политика бескорыстна: мы ничего не ищем за границами... Мы призваны быть “третьими”, вносящими равновесие. Мы те третьи, без помощи которых праву не сладить с силою!¹ Таким образом, Никольский в своих представлениях об исторической миссии русского народа продолжал славянофильскую традицию и был одним из разработчиков так называемой «русской идеи», идеи «всемирной отзывчивости» (по выражению Ф. М. Достоевского) русского народа, создателями которой являлись многие мыслители – Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, В. В. Розанов, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский и др. По словам русского исследователя А. В. Гулыги, «русская идея – это предчувствие общей беды и мысль о всеобщем спасении... Русская идея имела целью объединить человечество в высокую общность, преобразовать в фактор космического развития»². В качестве сравнения позиции Никольского и других мыслителей, правых по своим убеждениям, приведу всего лишь два характерных высказывания некоторых основоположников «русской идеи».

Так, Ф. М. Достоевский писал: «Русская душа... гений народа русского, может быть, наиболее способны из всех народов вместить в себя идею всечеловеческого единения, братской

¹ Там же. Л. 224 об. Следует, правда, заметить, что Никольский, подобно К. Н. Леонтьеву, не разделял позицию Данилевского по вопросу о существовании самой России как федерации славян. Еще в июле 1897 года он писал: «Данилевский-то России предлагал стать славянской федерацией; но это бредни фантазера. Россия федерацией быть не может... Федерация моря с чайками и рыбами» (РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 18).

² Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы. М., 1995. С. 25.

любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия»¹.

У И. Л. Солоневича мы находим такое высказывание: «Русская национальная идея всегда перерастала племенные рамки и становилась сверхнациональной идеей, как русская государственность всегда была сверхнациональной государственностью»².

Из позиции Никольского по вопросу о роли России в современном мире выросли его суждения, относящиеся к внешней политике. Считая Россию великой державой, он в своем дневнике позволял себе резкие суждения по отношению к государствам – соперникам нашей страны на мировой политической арене, таким как США, Великобритания, Германия, Япония. Его позиция – принципиально антизападническая. Подобно славянофилам, он видел прежде всего пороки западной цивилизации и выступал за противостояние Западу в духовном плане. Его отношение к западноевропейской цивилизации очень характерным образом выражено в одной из дневниковых записей, посвященной отношению к татаро-монгольскому нашествию и датированной еще августом 1897 года: «Не Европу мы спасли <От татаро-монгольского нашествия. – Д. С.>, а себя спасли от Европы, благодаря татарам, – вечное им за то спасибо. Александр-то Невский тузил рыцарей, а не татар»³. В словах Никольского звучат мысли, сходные с позднейшим историософским направлением – евразийством, в частности, с идеями такого исследователя XX века, как Л. Н. Гумилев⁴.

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Л., 1984. Т. 26. С. 131.

² Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 1991. С. 16.

³ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 24.

⁴ В качестве сравнения приведем выдержку из работы Л. Н. Гумилева: «Поскольку папа объявил крестовый поход против татар, то союз с православными монголами был нужен как воздух.

И наоборот, католикам было выгодно поднять русских против татар, чтобы вести войну на русской территории и русскими руками. Поэтому ясно, что заинтересованы в гибели князей от рук татар были именно папские дипломаты. А потом можно было расправиться с проклятыми «схизматиками» и построить на Русской земле вторую Латинскую империю» // Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1993. С. 530.

А вот еще характерное высказывание Никольского, по своей резкой антизападной позиции близкое к последующим воззрениям евразийцев. Оно относится к июню 1900 года, ко времени, когда русские войска совместно с войсками шести государств Европы и Японии подавляли восстание «боксеров» в Китае. «<...>Все мое сочувствие на их <Китайцев. – Д. С.> стороне и что мы попались, как цапля с воробьями. Стыд, стыд, вечный нам стыд и срам. И эта необходимость губить все доверие к нам Китая, вести борьбу заодно с разбойниками против ограбленных – ужасно. Помоги, Боже! Только бы нам уйти оттуда... Наш долг быть заодно с Китаем против гнусной Европы; а мы! Стыдно и больно. Стыдно, больно и скверно <...> Китай наш естественный союзник против Европы. Мы должны быть со всеми, кто против Европы...»¹.

В качестве сравнения приведем точку зрения князя Н. С. Трубецкого, представителя евразийского направления, издавшего в Софии в 1920 году свою книгу «Европа и человечество», в которой, среди всего прочего, он отметил «внутренне присущую романо-германской культуре агрессивность, нашедшую оформление в идеологии европоцентризма»². По мнению мыслителя, «европейская цивилизация не есть общечеловеческая культура, а лишь культура определенной этнографической особи, романогерманцев, для которой она и является обязательной»³.

Еще в то время, когда Северо-Американские Соединенные Штаты только вступали на путь своего будущего мирового могущества, Никольский одним из первых смог предвидеть ту отрицательную роль, которую это государство сыграет во второй половине XX – начале XXI века на пути установления своей гегемонии в мире. Летом 1898 года он записал в своем дневнике: «Америка – вот откуда быть антихристу. Там обна-

¹ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 133 об.

² Соболев А. Князь Н. С. Трубецкой и евразийство // Литературная учеба. 1991. Кн. 6. С. 124.

³ Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме // Литературная учеба. 1991. Кн. 6. С. 144.

женная Европа, обнаженная, разнузданная и жирная. Волчья республика. Нечто вроде первобытного Рима... Какой-то гнилорожденный сброд, вековая блевотина Европы...»¹. В августе того же года на страницах своего дневника Никольский замечает: «Одна из глупейших нелепостей нашей политики – наша “дружба” с Америкой... Наш флот... должен быть рассчитан на войну с Америкой... Теперь события и разыгравшиеся американские аппетиты должны всем раскрыть глаза. Еще с Америкой нам придется посчитаться, помяните мое слово. Мерзкая Европа для русского человека, но Америка – отброс Европы. Попустительство американским захватам мерзко русским людям...»². Слова Никольского оказались пророческими. Кроме того, он совершенно верно уловил разительную противоположность в психологии русского и американского народов.

В своих геополитических представлениях Никольский являлся сторонником многополюсного мира, в котором осуществлен раздел сфер влияния между великими державами. В 1904 году он записал в дневнике следующее: «Америка идет на Запад; мы должны ее повернуть на юг. Япония наш естественный союзник против Англии и Америки: пусть берет Филиппины, Австралию, Полинезию. Пусть Штаты берут Южную Америку... Пора, пора не только нам самим сознать, но и другим внушить, что мы – сверхевропейская держава, что мы не чужие ни во всеевропейском, ни во всеазиатском союзе»³.

И вот еще более характерная выдержка из дневника, сделанная через два месяца после предыдущей, то есть в июне 1904 года: «...Турции от нас не уйти, как Персии. Греция нам не нужна. Не нужны и балканские братушки, ешь их немцы. Нам нужны только берега Черного и Мраморного морей и проливы... Итак, я полагаю, что нам остается Азия до Гималаев и Великой Стены; японцам остается Австралия с островами. Европе Африка. Америка для американцев. Это будет первый великий раздел мира. И тогда, пожалуй, мир будет обеспечен

¹ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4а. Л. 59.

² Там же. Л. 60.

³ Там же. Л. 224.

очень надолго... Если же вы меня спросите, зачем все это? Я отвечаю: для вселенского мира и спокойного просвещения человечества. Пока сохраняется теперешний порядок мира, никому нет покоя. Все враждует, соперничает, интригует и злобствует. Людям некогда стать людьми. А как им еще до этого далеко!»¹

Сразу после начала Первой мировой войны Б. В. Никольский занял ярко выраженную патриотическую и, если можно так выразиться, шовинистическую позицию: «Не могу принудить себя усомниться в нашем успехе. Что бы ни было, наша должна <Подчеркнуто Б. В. Никольским. – Д. С.> взять. Или нет ни Бога, ни истории... В мои студенческие годы у меня висела карта Европы, где наша западная граница шла по Эльбе. Теперь я соглашусь даже на Одер. Наконец, если мы проведем ее по Висле, так и то я согласен стерпеть. Но не меньше... Но, ликвидировав Германию, мы должны прежде всего создать могучий боевой флот, и в том числе на Тихом океане; мы должны получить Персию...»². Более того, Никольский, как и многие русские, в начале войны не сомневался в победе над немцами: «Гогенцоллерны кончились, это ясно, их порешат свои же»³. Однако прошли месяцы, и, естественно, его настроения сменились на тревожные. Никольский осознал тот факт, что, сталкиваемые мировыми силами зла, великие народы, русский и немецкий, фактически занимаются взаимоистреблением друг друга.

Итак, мы вкратце рассмотрели взгляды Никольского по важнейшим философским и общественно-политическим вопросам. В целом его позиция не выходит за рамки общей концепции представителей православного, консервативного лагеря, хотя, как мы видели, по отдельным вопросам, таким как аграрный, рабочий и т.д., он допускал некоторые отступления влево. К тому же следует учитывать тот факт, что с простетством времени отдельные положения мировоззренческой системы Никольского претерпевали существенные из-

¹ Там же. Л. 230–230 об.

² Там же. Л. 343–343 об.

³ Там же. Л. 344.

менения. Проследить эти изменения – вопрос очень сложный, и в настоящей книге мы лишь наметили некоторые пути для его дальнейшего решения.

* * *

В период после 1917 года произведения Никольского, как и других монархистов, не переиздавались. И только в 2009 году в издательстве «Институт русской цивилизации» вышел в свет сборник основных литературных и публицистических произведений ученого, поэта, литературного критика и политического деятеля¹. Работы, представленные в этом издании, имеют интерес прежде всего для характеристики правоконсервативного мировоззрения Никольского, а также при изучении истории черносотенного движения начала XX века, видным участником которого был политик. Многие его идеи и мысли остаются актуальными и по сей день (рассуждения Никольского о самодержавной монархии как идеальной форме правления для России, о Православии и его месте в жизни России, о внутренней и внешней политике России, по национальному вопросу и т.д. – все это, вне всякого сомнения, заинтересует современного читателя).

Среди размещенных в этой книге материалов представляют интерес выдержки из дневника Никольского, который он вел в период с 1896 по 1918 гг., характеризующие прежде всего его консервативное мировоззрение, а также содержащие множество исторических фактов, связанных с историей Черной сотни. Оригинал дневника в настоящее время хранится в Российском Государственном Историческом Архиве (РГИА), однако в ближайшее время предполагается его полное научное издание совместно с Российской национальной библиотекой.

Особое место в представленном в этой книге материале занимают избранные стихотворения Никольского – как никогда прежде не публиковавшиеся (из фондов РГИА и РНБ), так

¹ Никольский Б. В. Сокрушить крामолу / Сост., предисл. и примеч. Д. И. Стогова, отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009.

и содержащиеся в его «Сборнике стихотворений» (СПб., 1899). В них говорится о Православии, о царской власти и т.д. Особый интерес представляет хранящаяся в фондах РНБ и никогда прежде не публиковавшаяся тетрадь с отпечатанными на пишущей машинке стихотворениями Никольского за период 1917–1918 гг., ярко характеризующими его тогдашние философские и политические взгляды.

«Всепоподданнейшая речь профессора Б. В. Никольского, произнесенная им в Высочайшем присутствии при приеме депутации Русского собрания 31 декабря 1905 г.», впервые опубликованная в 1906 г., вне всякого сомнения, – один из лучших образцов выражения вернопоподданнических чувств представителями правых. Брошюра Никольского «Кошунственная охота католиков на лисиц в православном храме» представляет собой одно из ярких свидетельств издевательств поляков-католиков над религиозными чувствами русского православного населения Западного края. В этой же связи несомненный интерес у читателя вызовет и переписка Никольского с архимандритом Алексием (Симанским, будущим Патриархом Алексием I, в то время – руководителем Тульского отдела Союза Русского Народа) по поводу факта кошунственной охоты. Статья Б. В. Никольского «Войны России» включает в себя подробный анализ многочисленных войн, которые вела Россия на протяжении своей многовековой истории.

Работы Никольского «К характеристике К. Н. Леонтьева» (1911) и «Литературная деятельность К. П. Победоносцева» (1896) являются лучшими образцами критических статей автора и характеризуют идеи и взгляды крупнейших столпов русского консерватизма. Статья Никольского «Его Высочество князь Олег Константинович» посвящена памяти павшего смертью храбрых в самом начале Первой мировой войны молодого князя императорской крови, учителем которого некоторое время являлся Никольский.

Отрывки из выступлений Никольского на Третьем Всероссийском Съезде Русских Людей в Киеве (1906 г.) по обсуждению избирательного закона, «Особое мнение» члена

Училищной комиссии Санкт-Петербурга Б. В. Никольского по вопросу об увековечении памяти графа Л. Н. Толстого, отрывки из переписки Б. В. Никольского с епископом Волынским Антонием (Храповицким) (1905 г.), статья «Кошунственная охота католиков на лисиц в православном храме» и переписка архимандрита Антония с Никольским по поводу судебного дела о кошунственной охоте католиков на лисиц в православном храме, отрывки из писем Никольского А. С. Вязигину, Б. А. Садовскому, Иркутскому отделу Русского собрания, а также характерные выдержки из Приветственного адреса Совета Русского собрания генералу Е. В. Богдановичу по случаю 60-летия его служебной деятельности, также составленного Никольским, характеризуют автора как убежденного монархиста и консерватора.

Работа Никольского «Николай Николаевич Страхов. Историко-биографический очерк» представляет собой одно из лучших произведений, посвященных жизни и творчеству замечательного русского философа и публициста Н. Н. Страхова, в свою очередь оказавшего сильное влияние на мировоззрение молодого Никольского.

Брошюра «Околдованный талант» посвящена литературно-критическому разбору стихотворений одного из талантливых поэтов “Серебряного века” А. А. Кондратьева. Здесь Никольский подвергает резкой критике прежде всего антихристианскую сущность мировоззрения поэта, признавая, однако, художественные достоинства произведений Кондратьева.

Работа «Опыт эдикта чести» являет нам пример одного из наиболее ярких и доступных простому читателю произведений Никольского, которое непосредственно связано с основным родом занятий ученого и общественного деятеля – с юриспруденцией. Автор представляет разработанную им концепцию функционирования третейского суда – «суда чести», основная идея которого зиждется «на почве чести», то есть личного человеческого достоинства.

Работа Никольского «Суд над Пушкиным» – наиболее известное критическое произведение автора как пушкиниста.

В этой работе Никольский дает твердый духовный отпор «записному клеветнику России» и по совместительству клеветнику Пушкина – известному философу В. С. Соловьеву, который, по мнению автора «Суда над Пушкиным», осмелился одним махом опорочить и творчество, и личность великого русского поэта.

Значительная часть опубликованных в книге материалов или вообще никогда не публиковалась, или выходила в свет лишь в период до 1917 года, оставаясь до сих пор совершенно не известной широкому читателю.

На истории создания и содержании очерка Никольского «К характеристике К. Н. Леонтьева» хотелось бы остановиться подробнее, поскольку это произведение демонстрирует преемственность славянофильской традиции, выразителем которой был К. Н. Леонтьев – и сам Никольский также считал себя славянофилом.

Судя по всему, Никольский ознакомился с творчеством мыслителя еще в юности, однако, по всей вероятности, не был лично знаком с Леонтьевым (в 1891 году, когда Константин Николаевич скончался, Никольскому был всего 21 год). К сожалению, как свидетельствовал сам Никольский, дневник своей юности он уничтожил, поэтому точно установить все обстоятельства, связанные с изучением юным Никольским наследия Леонтьева, не представляется возможным. Поэтому нам и приходится рассматривать обстоятельства, связанные с обращением уже зрелого Никольского к творчеству выдающегося мыслителя. Между тем уже в своей позднейшей работе Никольский вспоминал о том, какое сильное влияние наследие Леонтьева оказало на него в юности: «Пишущий эти строки на себе испытал в молодые годы эту раскрепощающую силу произведений Леонтьева и немногим писателям так благодарен, как именно этому великому освободителю. Против затхлого, заплесневелого в своем убожестве русского либерального доктринерства и бесшабашно невежественного нигилизма, он выступает такую же элементарно-властную и одиноко-властную фигуру, какую на наших

глазах П. Н. Дурново¹ обрисовался на фоне сановных трусишек бюрократии наверху, а внизу – камаринских товарищей революционеров и пресмыкающихся убийц из-за угла»².

В 1911 году Никольский подготовил к печати работу «К характеристике К. Н. Леонтьева»³, которая является одним из лучших образцов критических статей автора и характеризует идеи и взгляды выдающегося представителя русского консерватизма. По признанию современных исследователей творчества Леонтьева, работа Никольского дает «одну из лучших художественно-образных характеристик» психологического облика мыслителя»⁴. Очерк Никольского был опубликован в «Леонтьевском сборнике», а затем переиздан отдельной брошюрой. В это же время Никольский вместе с известным дипломатом, историком и генеалогом Константином Аркадьевичем Губастовым⁵ участвует, если верить самому Никольскому, и в подготовке собрания сочинений Леонтьева (однако его имя почему-то отсутствует в выходных данных издания), редактором и автором предисловия к которому стал протоиерей Иосиф Фудель⁶.

Отметим, что вокруг Губастова, лично хорошо знавшего Леонтьева, к декабрю 1908 года сформировался кружок, кото-

¹ Дурново Петр Николаевич (1845–1915) – директор Департамента полиции (1884–1893), товарищ министра внутренних дел (1900–1903), начальник Управления почт и телеграфов министерства (1903–1905), член Государственного Совета (1905), министр внутренних дел (октябрь 1905 – апрель 1906 гг.), с 22 апреля 1906 г. – статс-секретарь.

² Никольский Б. В. Сокрушить крамолу. С. 361.

³ Никольский Б. В. К характеристике К. Н. Леонтьева / Памяти Константина Николаевича Леонтьева. 1891 г. Литературный сборник. СПб., 1911. С. 365–381 («Леонтьевский сборник»); Никольский Б. В. К характеристике К. Н. Леонтьева. СПб.: Сириус, 1911.

⁴ Ширинянц А. А., Мячин А. Г. Жизнь и идеи К. Н. Леонтьева // Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/41255.php?PRINT=Y>.

⁵ Губастов Константин Аркадьевич (1845–1919) – действительный тайный советник, сотрудник Министерства иностранных дел, один из основателей и руководителей Русского генеалогического общества. Друг К. Н. Леонтьева, участник сборника в его память.

⁶ Леонтьев К. Н. Собрание сочинений. Т. 1–9. М., 1912–1913. Издание не было завершено.

рый, хотя и был неформальной структурой без фиксированного членства, членских взносов и пр., тем не менее ставил перед собой далеко идущие цели – популяризировать наследие Леонтьева. В частности, кружок Губастова занимался переизданием произведений мыслителя, а также выпустил к 20-летию со дня его кончины сборник работ, посвященных личности Константина Николаевича («Леонтьевский сборник»)¹.

В работе кружка К. А. Губастова принимали участие люди различных взглядов и убеждений, поэтому руководство этих собраний придерживалось «полной взаимной терпимости и безусловной непредвзятости»². 11 августа 1912 года Никольский следующим образом отозвался о своей работе над собранием сочинений К. Н. Леонтьева: «Отправлял письма и телеграммы и купил 1-й том Леонтьева. Это издание – плод нашей с Губастовым работы. Без него ничего бы не было, но и он говорит, что без меня у него едва ли бы что-нибудь вышло. Я очень поддерживал его энергию, привлек Королева, Антония, написал сам статью и предисловие, прочел доклад и вообще организовал чествование в Русском собрании, наконец, вся мысль о полном собрании сочинений была и начата, и спасена мною. Мы, правда, потерпели неудачу <К сожалению, пока что подробности данной истории нами не выявлены; видимо, этой *неудачей* и объясняется отсутствие имени Никольского в выходных данных собрания сочинений К. Н. Леонтьева. – Д. С.>, но без моей инициативы и московского издания никогда бы не было»³.

В очерке «К характеристике К. Н. Леонтьева» автор прежде всего обращает внимание читателя на противоречивость и порывистость в характере и поступках выдающегося мыслителя, что и предопределило в итоге особенности его творчества. Леонтьев по своей натуре, как отмечает Никольский, был словно соткан из противоречий. «Леонтьев был бурей внутренних

¹ Памяти Константина Николаевича Леонтьева. 1891 г. Литературный сборник. С. V–VI (Предисловие).

² Там же. С. V (Предисловие).

³ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 268 об.

противоречий, которую неотразимою силою влекло на Афонскую скалу, где ей суждено было разбиться»¹, – пишет в этой связи Борис Владимирович. По словам Никольского, «Леонтьев не был <...> зиждательным веянием, ни стихийно-постоянным пассатом или муссоном, ни даже переменчиво-разноструйным течением духа. Его порывистая, страстная душа, его стремительный, причудливый ум сливались, как несродные стихии, море и тучи, в ураган противоречий, в ревущий, сверкающий и сокрушительный смерч. Он был какою-то бурей, разом мечущею во всех направлениях, одновременно и славословя и разрушая одно и то же, существуя тем раздором несогласимых стремлений, который явился бы концом и гибелью для прямолинейно-веющего духа. Его мысль ни для кого не была ни попутным, ни встречным ветром: она размалывала в своих противоречиях почти каждого, кого захватывала. И пределом этого смерча могла быть только такая несокрушимая преграда, о которую он разбился бы, чтоб освобожденные тучи ушли в небо, освобожденные волны ушли в море»².

По мысли Никольского, в итоге «этою преградюю, разрешившею все противоречия, но зато убившею самую жизнь его, явилась Афонская гора»³. Напомним, что К. Н. Леонтьев после тяжелой болезни (1871 г.) отправился верхом через горы на Афон, где он оставался до августа 1872 года. Он собирался исполнить свое обещание и стать монахом, но афонские духовники мыслителя отговорили его от такого поспешного шага. Однако незадолго до смерти Константин Николаевич все же принял монашество на Афоне. Никольский обращает внимание на то, что его «пострижение почти совпало с его кончиною». «Неутомимая жажда подвига, жертвы, неудержимое стремление “в заоблачную келью, в соседство Бога” влекли

¹ Никольский Б. В. Сокрушить крамолу. С. 361.

² Там же. С. 355.

³ Афон – полуостров в Восточной Греции, в районе Халкидики (Македония), представляющий собой гору высотой 2200 м над уровнем моря. Для православных всего мира – одно из главных святых мест со знаменитыми монастырями, почитается как земной Удел Божьей Матери.

его к той полноте отречения, которая осуществляется только монашеством; страстная жажда жизни, наслаждений, прямолинейность властного ума и повелительное обаяние красоты стремили его в круговорот живых страстей, в политику, творчество, проповедь, романы в жизни, романы в воображении. Этот внутренний разлад беспредельно высоких идеалов и неодолимо соблазнительных страстей при полной невозможности отрешиться своими силами от той или другой стихии составлял самое существо и вместе главную потребность его духа¹ – такими словами оценивал поступки Леонтьева Никольский. По словам автора очерка, Леонтьев «не только понимал противоречия, но любил их. Когда не было бури, он, как чуткая осина, улавливал едва заметные струи воздуха только для того, чтобы с наслаждением отвечать трепетными сочувствиями их веяниям, для других неощутимым. Он был весь трепет, порыв и стремление»².

Никольскому фигура Леонтьева представляется неким «живым противоречием внутри своего духа», «единым, цельным и стройным порывом, если взглянуть на него извне». При этом, по мысли автора очерка, в деятельности великого мыслителя не было никакой системы и начертать ее исследователям творчества Леонтьева совершенно невозможно и бесполезно. Никольский утверждает, что «...весь он был противоречием, возведенным в систему», что он был «стихийным отрицанием всякой системы»³.

Автор очерка о К. Н. Леонтьеве отмечает, что среди критиков «существуют попытки охарактеризовать мировоззрение Леонтьева как эстетическое»⁴, и обращает внимание на то, что

¹ Никольский Б. В. Сокрушить крамолу. С. 356.

² Там же. С. 356.

³ Там же. С. 356–357.

⁴ Об эстетизме К. Н. Леонтьева, в частности, писал современник Никольского писатель и философ В. В. Розанов. «...Главная забота писателя... в сохранении жизни, в чувстве влечения к ней, как к величайшей красоте природы. И в самом деле, в этом состоит общий и главный смысл всех его писаний: красота есть мерило жизни, ее напряжения; но красота не в каком-либо узком, субъективном ее понимании, а только в значении – разнообразия,

и сам Леонтьев был склонен к этой мысли. Однако в этой связи Никольский задается вопросами: «Позволительно спросить, какой эстетизм может завести человека в монахи? Равным образом, возможно ли сочетать яркий и твердый патриотизм Леонтьева с эстетизмом, как основой, будто бы, его идей?» По мнению автора очерка о Леонтьеве, «эстетизм, как система, или как принцип, исключает возможность гражданского подвига, ибо исключает идею нравственного долга». Признавая возможность того, что у мыслителя религиозность и эстетизм уживались одновременно, Никольский указывает, что тем не менее «нельзя одно сводить к другому», но следует «отметить эту совместность – одну из весьма многих – в его душе двух несогласных идеалов»¹ – религиозного и эстетического.

Также Никольский, ссылаясь на слова самого Константина Николаевича, признает вслед за другими критиками, что еще одна «характерная черта, довольно дружно признаваемая за мировоззрением Леонтьева, это – пессимизм»². Однако, пишет далее Никольский, «трудно было бы согласиться с тем, кто в пессимизме усмотрел бы коренную, принципиальную его особенность; а сам себе никто не судья и в этом смысле мнение самого Леонтьева еще ничего не доказывает». И в этой связи Борис Владимирович обращает внимание на

выразительности, сложности», – утверждал Розанов. – Розанов В. В. Теория исторического прогресса и упадка // Русский вестник. 1892. № 3. С. 326. «Три элемента образуют существо его <К. Н. Леонтьева. – Д. С.> духа, обуславливают его суждения, формируют его мировоззрение: натурализм, эстетика и религиозность». – Розанов В. В. Поздние фазы славянофильства. 2. К. Н. Леонтьев // Розанов В. В. Сочинения. М., 1990. С. 195. «...О Леонтьеве можно сказать, что его “эстетизм” был синонимичен, или, пожалуй, вытекал или коренился на анти-смертности <Здесь и далее выделено в тексте источника. – Д. С.>, или, пожалуй, на бессмертии красоты, прекрасного, прекрасных форм». – Розанов В. В. Незнанный феномен // С. 173–174.

¹ Никольский Б. В. Сокрушить крамолу. С. 357.

² В частности, В. В. Розанов, построивший свою метафизику христианства на леонтьевском пессимизме, был первым, кто назвал Леонтьева «русским Ницше». Подробнее см.: Репников А. В. К истории взаимоотношений В. В. Розанова и К. Н. Леонтьева // Незавершенная энтелехийность: отец Павел Флоренский, Василий Розанов в современной рефлексии. Сб. статей. Кострома, 2003. С. 249–258.

тот неоспоримый факт, что у Леонтьева «его страстное чувство жизни, его вера и страх Божий, его пламенный патриотизм, его умение беззаветно любить тою высшею любовью, которая, по слову апостола, страха не имеет, наконец, живая деятельность, как черта, присущая всем его идеалам, в своей совокупности исключают возможность последовательного и целостного пессимизма»¹.

Что же касается признания самого Леонтьева в наличии у него пессимистических воззрений, то на сей счет Никольский заявляет, что это не более чем «просто недовольство личною судьбою, совместно с зоркою наблюдательностью врача, постоянно ему напоминавшее о зияющей смерти, грозящей рано или поздно поглотить все живущее». Земную же жизнь Константин Николаевич, как отмечает Никольский, считал прекрасною. Отдельные же пессимистические моменты в творчестве Леонтьева Никольский склонен рассматривать не более как «порывы ума и воли, а не принципы». По мнению автора очерка, «это было либо голодом, либо пресыщением хищника в клетке, ибо и вся жизнь его была жизнью хищника в клетке»².

По словам Никольского, Леонтьев был рожден «не для довольства и власти» и поэтому ему никогда не давались в жизни «ни довольство, ни власть». Никольский указывает на то, что Константин Николаевич «мог быть только тем, чем был на самом деле, и никакая обстановка не могла бы удовлетворить или согласовать его непримиримые противоречия». «Дали бы ему какую угодно волю и власть, – и он роковым образом вернулся бы к своей неволе и своему безвластию», – замечает Никольский. Также автор очерка обращает внимание на то, что, хотя жизнь Леонтьева вела его на Афон кружными путями, но тем не менее все равно привела его туда. По мысли Никольского, «не было такого пути, на котором он мог бы миновать это пристанище»³.

¹ Никольский Б. В. Сокрушить крамолу. С. 357.

² Там же. С. 358.

³ Там же. С. 359.

Также Никольский комментирует утверждения о том, что «Леонтьев любил истину в ризах парадокса». И действительно, автор очерка склонен согласиться с таким утверждением. По его словам, «у страшно серьезного Леонтьева эта стихийная игривость мысли сказывалась в его любви к парадоксальным и крайним формам выражения». Никольский обращает внимание на то, что «как в разговорах собеседника, так в литературе он любил озадачить, поразить читателя, раздражить противника замысловатой безусловностью своих суждений», обостряя «резкость своих мнений категоричностью выражения». «Прекрасно зная относительность иных своих суждений, он все-таки высказывал их с такою безусловностью, которая ошеломляла не только противников, но даже и тех простодушных или тугодумных слушателей, которые вполне согласились бы с ним, обставь он истину громоздким аппаратом оговорок»¹, – пишет в этой связи Никольский. Таким образом, утверждает автор очерка, «потребности Леонтьева обострять мысли, его любви к парадоксу и капризно-вычурной логике, к замысловатым подходам к намеченной мысли и стремительным скачкам к неожиданным из нее выводам, наконец, его боевой склонности недоговаривать, пренебрегать оговорками, – всего этого совершенно непозволительно забывать при понимании и толковании его произведений»².

Также Никольский указывает на то, что этот леонтьевский способ подачи своих мыслей в особенной степени очаровывал и очаровывает молодое поколение, которое обладает «всею непредвзятостью и восприимчивостью своего возраста». «Всегда независимые сами по себе, его мнения обостренную крайностью выражения становятся в глазах тех, кому пришлось по душе, прямо сокрушительными для того, против чего направлены», – пишет в этой связи Никольский. Оценивая творчество Леонтьева, Борис Владимирович отмечает, что, во многом благодаря этим особенностям вы-

¹ Никольский Б. В. Сокрушить крамолу. С. 359.

² Там же. С. 360.

ражения своих мыслей, «нет писателя, полней освобождающего молодую мысль из-под власти вокабул и катехизисов либерализма и современного лже-демократизма». По словам автора очерка, Леонтьев «учит не бояться общих идолов и идольчиков и потому, как никто, подготавливает душу к служению истинному Богу»¹.

В своем очерке Никольский пытается найти истоки противоречивости и порывистости в мировоззрении Леонтьева. По его словам, «смысл влечения» мыслителя следует искать в двух понятиях – подвиге и жертве. «Не в эстетизме, не в пессимизме, не в религии даже надо искать ключа к пониманию Леонтьева, но в героизме. Несомненно, мировоззрение Леонтьева глубоко религиозно, но только потому, что всякий героизм религиозен, будет ли это героизм дикаря, вроде какого-нибудь якута или социал-демократа, или героизм избранников рода человеческого, подобных христианским мученикам или святым отшельникам. Религиозен и в жизни, и в творениях он стал только в поздние зрелые годы. Вера для него сама была подвигом, и ту веру, которая является для иных людей только душевным удобством, он ненавидел сильнее, чем какое угодно безверие» – такими словами поясняет свою мысль автор очерка, отмечая при этом, что «религия Леонтьева» была «религиею подвига и жертвы»². Никольский полагал, что «верховным критерием сочувствий и несочувствий» Леонтьева была героичность. «Добрый, прекрасным, мудрым, правым для него могло быть только то, что способно к подвигу и жертве; что не способно, то в его глазах могло бы не существовать, не должно было, не имело права существовать. Более того, способность к подвигу и жертве искупала пред его судом какие угодно вины, а неспособность к подвигу и жертве являлась сама по себе виною неискупимой», – пишет автор очерка о Леонтьеве.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением современных исследователей о том, что Никольский считал, в отличие от

¹ Там же. С. 361.

² Там же.

большинства пишущих о Леонтьеве, что эстетизм и пессимизм есть основные черты леонтьевского мировоззрения, а также о том, что Никольский «противопоставляет им в качестве таковой идею героизма, который сам по себе всегда религиозен»¹.

Также Никольский останавливается на, казалось бы, парадоксе: «При такой жгучей прямолинейности основного идеала откуда же буря противоречий?» И делает вывод о том, что происходило это у Леонтьева «от неодолимых соблазнов страстей»².

Свое суждение автор очерка поясняет следующими своими примечательными мыслями: «Леонтьев как бы признавал грех сильнее себя, но не желал примириться с его владичеством. <...> Как ни сильна была его ненависть к соблазнам и греху, он не мог подавить любви к их очарованиям. Из этой трагедии исходов только два: гибель или подвиг. Но беспредельно-страстное чувство жизни исключало для Леонтьева возможность первого исхода и потому он стихийно стремился ко второму. Он признавал свою греховность, признавал неодолимость греха, но весь трепетал жаждою подвига и жертвы, пламенел готовностью хоть ими засвидетельствовать, что быть рабом греха не согласен. В его художественных произведениях главной темой является искупающее значение жертвы и подвига. Он не боялся в самых глубинах падения за того, кто сохранил способность к жертве, и никакая безупречность не оправдывала в его глазах такого существования, в котором не предвиделось возможности подвига. Разбойник, убийца, кровосмеситель, даже предатель в его суждении бесконечно выше какой-нибудь “честной” акушерки, “честного” кассира. Головорез албанец ему по душе, от цивилизованного Лессепса³ ему душу выворачивает»⁴.

¹ Ширинянц А. А., Мячин А. Г. Жизнь и идеи К. Н. Леонтьева // Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/41255.php?PRINT=Y>.

² Никольский Б. В. Сокрушить крамолу. С. 362.

³ Лессепс Фердинанд (1805–1894) – французский инженер-предприниматель, руководил строительством Суэцкого канала в 1859–1869 гг., возглавлял акционерное общество по прорытию Панамского канала.

⁴ Никольский Б. В. Сокрушить крамолу. С. 362–363.

Также Никольский указывал и на «нравственный разлад» у Леонтьева «в области прекрасного», утверждая, что эстетизм Леонтьева – это «эстетизм подвига». В этой связи автор очерка о Леонтьеве поясняет свою мысль следующими словами: «Прекрасного, которое не могло бы ризами подвига, он не понимал, оно было для него просто шкурою скота. И в то же время он узнавал красоту подвига и жертвы в красоте удали и риска»¹. Отсюда, по мысли Никольского, Леонтьев как художник и как мыслитель «готов был не менее восхищаться красотой зверства, чем красотой святости»².

Исходя из тезиса об «исключительном преобладании нравственных и эстетических начал» в мировоззрении Леонтьева, о готовности мыслителя «мириться с противоречиями», Никольский делает вывод о «преобладании воли над разумом» в творчестве Константина Николаевича, поясняя свою мысль следующими словами: «Если был на свете человек, органически, стихийно нефилософский, так это был Леонтьев. Каждый порыв он стремился исчерпать до дна и потому умел доводить его с инквизиторскою последовательностью до крайних выводов; но согласованность отдельных порывов ему была совершенно безразлична»³.

Вместе с тем Никольский далек от мысли о том, что «разума или ума было у Леонтьева мало». Напротив, пишет автор очерка, «он обладал сильной и цепкою логикою, наблюдательным и ясным умом, глубокою правдивостью и строгою трезвостью мысли», «умел созерцать жизнь с беспощадной объективностью врача и предписывать ей, смотря по диагнозу, когда режим, когда лекарство, когда огонь, когда железо».

В своем очерке Никольский обращает внимание и на то, что по своему образованию Леонтьев был медиком. Отсюда – «недостаток юридической, исторической и филологической школы», который в произведениях мыслителя чувствуется «чаще, нежели бы читателю хотелось, ежели

¹ Там же. С. 363.

² Там же.

³ Там же. С. 363–364.

опускает их высокое достоинство». Однако, отмечает далее Никольский, если этот недостаток и замечается, то «тем выше ценишь ясность и силу его ума, самоучкою судившего так дальновидно, пронизательно и здраво о делах, событиях, народах и людях», поясняя свою мысль следующими словами: «Пользуясь его собственным сравнением, его мысли как бы несравненно пестрый и пышный цветник, где яркие, прекрасные заблуждения сочетаются с благоухающими истинами в нерасторжимое целое, где истины еще прекрасней и царственнее цветут от этого соседства с заблуждениями, где заблуждения не менее дороги зрителю, чем истины. Классификатор ботаник с удивлением и завистью встретит между ними редчайшие цветы, которых ему не найти в отборнейших ботанических садах, и поморщится на “хлам”, в котором они теряются; художник залюбуется вдохновенным сближением форм и красок, столь несродных в отдельности и столь нерасторжимых в целом»¹.

Среди прочих особенностей творчества Леонтьева Никольский обращает внимание читателя и на еще одну «героическую черту», которая, по словам автора статьи, сказывалась у мыслителя «с особою резкостью». Это его независимость. Поясняя свое утверждение, Никольский пишет, что Леонтьеву было безразлично, «нравятся ли другим или не нравятся его мысли и суждения»². Также, по мысли автора очерка, Леонтьеву «тернии подвига» «казались выше лавров, и он всегда шел туда, где его ждало всего более терний»³.

Рассуждая о независимости Леонтьева, Никольский отмечает, что она «сочеталась в нем с глубокою любовью к чужой независимости» и в этом отношении «его эстетические сочувствия шли часто вразрез с его идеалами грозной государственности и порою даже торжествовали над ними»⁴. Свою мысль автор очерка поясняет следующим суждением: «По-

¹ Никольский Б. В. Сокрушить крамолу. С. 364–365.

² Там же. С. 365.

³ Там же.

⁴ Там же.

добно тому, как ригоризм в области нравственной имел у него только succès d'estime¹, – он отдавал Катону² должную дань почтения, с таким же, примерно, чувством, с каким проходил курс медицинского факультета, но любоваться мог только Фабрицием³, – так в области политической он с неподражаемою непоследовательностью любовался этнографическою, федеративною пестротою, хотя вполне справедливо даже для текущей минуты провозглашал национализм орудием всемирной революции. Голосовал бы он всегда с Катоном, но он плакал бы со Сципионом⁴ над пылающими развалинами Карфагена»⁵. По словам Никольского, «так прекрасно сосуществование этих разногласий, столько великодушия слышится в каждом из них, что как-то жаль признавать их противоречивость: сердцу хочется провозгласить, как провозгласил бы, я думаю, сам Леонтьев, что в них нет разногласия, что в них полное единство, что лжет логика и лжет очевидность»⁶. По мысли Никольского, «и логика, и очевидность, конечно, простили бы Леонтьеву эти мятежные возгласы». Этим утверждением он заканчивает свой очерк о творчестве Леонтьева.

Подводя некоторые итоги, необходимо подчеркнуть, что на протяжении всей своей жизни Никольский обращался к наследию К. Н. Леонтьева. Первое знакомство с творчеством великого мыслителя состоялось у Никольского еще в юности, однако об этом нам известно лишь из более поздних свидетельств. Впоследствии, уже в зрелом возрасте и вплоть до конца своей жизни, Борис Владимирович не только выступал как исследователь творчества Леонтьева, но обращался к его

¹ «Умеренный успех» (фр.).

² Катон Старший (234–149 гг. до Р. Хр.) – государственный деятель, писатель Древнего Рима.

³ Фабриций из Аквапенденте Джероламо (1533–1619) – итальянский анатом и хирург. Изучал медицину.

⁴ Сципион Африканский Младший (185–129 гг. до Р. Хр.) – полное имя – Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский – римский полководец, который разрушил Карфаген, победно завершив Третью пуническую войну.

⁵ Никольский Б. В. Сокрушить крамолу. С. 365–366.

⁶ Там же. С. 366.

наследию и в повседневной жизни. Осмысливая наследие Леонтьева, Никольский, в противовес В. С. Соловьеву, В. В. Розанову и ряду других критиков, подчеркивая крайнюю противоречивость природы философа, утверждал, что эстетизм и пессимизм, хотя и были присущи Леонтьеву, но тем не менее не являются краеугольными камнями его мировоззрения, когда как, по его мнению, смысл творчества мыслителя следует искать в героизме – в «подвиге и жертве».

* * *

Совсем недавно, уже после издания сборника избранных сочинений Никольского, автору этих строк удалось разыскать в архиве духовное завещание Бориса Владимировича детям¹. Оно представляет собой два листа формата А4, исписанные черными чернилами почерком Никольского. Документ не датирован; скорее всего, он относится к периоду между 1910 и 1917 гг., так как в нем неоднократно упоминается еще царствующий Император. Завещание Никольского никогда ранее не публиковалось, более того, пока что даже в серьезных научных работах не встретишь упоминаний о нем. При знакомстве с этим текстом становится ясно, как горячо Никольский был предан православной вере, Государю Императору и Отечеству, ставя интересы России выше личных интересов, насколько ученый и общественный деятель был предан Престолу. Фактически этот документ обращен не только к детям Никольского, давно почившим, а ко всем нам, русским людям, живущим в XXI веке, времени отступления от веры и разного рода искушений. Ввиду особой значимости завещания Никольского хотелось бы привести здесь этот текст целиком. В круглых скобках указаны номера листов, в фигурных скобках – наши необходимые пояснения.

«(Л. 1). Во имя Отца, Сына и Святого Духа.

Находясь в здравии, уме и твердой памяти, зная, что все может случиться, пишу настоящее завещание.

¹ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4 (по новой нумерации).

Все мое имущество и все принадлежащие мне права, поскольку таковые остаются по расчете с лежащими на мне долгами, завещаю в пожизненное владение жене моей, а по ее смерти детям моим. Мои рукописи прошу по мере возможности издать. При издании запрещаю что бы то ни было, кроме корректурных и тому подобных исправлений, изменять без оговорок. При выборе и печатании завещаю пользоваться советами и участием друзей моих, барона Александра Феликсовича Мейендорфа и Юрия Васильевича Чичерина, поскольку они пожелают взять на себя этот труд по достижении сыном моим, или старшим из сыновей, совершеннолетия, поручаю ему всецело заботу и решение о судьбе моих рукописей, независимо от авторских прав, судьба которых предусмотрена выше. Того из наследников, кто не пожелал бы подчиниться его решениям, кроме злоупотреблений по решению третейского суда, лишаю наследства.

(Л. 1 об.). Детям моим завещаю, под страхом ответа предомноу на суде Божиим, неизменно, бескорыстно, верой и правдою, всю жизнь служить Государю и Отечеству, предпочитая их интересы всему в мире, кроме совести, с которой <Далее слово зачеркнуто. – Д. С.>, о чем свидетельствую, разойтись не могут. Государю пускай служат бестрепетной и самоотверженной охраной и соблюдением его Самодержавия от всех и всяких козней и покушений, но без крайностей и слепоты, зная и веря, что никакое сомнение правде не страшно, а грозят ей только уступки, поправки и сделки. Пусть будут они Государю правдивыми и неуступчивыми советниками, не дорожа Его милостью, но дорожа Его Самодержавием и своею совестью; пусть будут смелыми и нелицеприятными исполнителями Его воли; и пусть помнят, что вся воля Царская направлена ко Благу России, если же нет, то такова Воля Божия. Преступного и превратного пусть не исполняют, *(л. 2)* идя на гнев и опалу, но верность пусть соблюдают до последнего дыхания. Пусть умрут, но не предадут ни Царя, ни Отечества, как во славе, так и в унижении. Служа Царю, пусть служат и Отечеству, храня Его священные предания, не уступая никаким сомнениям, ко-

лебаниям и соблазнам, по духу, но не по букве моих теорий и учений, смело исправляя все, в чем ошибаюсь, но храня трудовую твердость и русскую справедливость всего рода нашего.

Какой бы путь жизни ни избрали, пусть стремятся к высшему, возможному в их время, просвещению, воспитывая в себе равнодушные ко всем благам земным и личным выгодам, но не впадая ни в юродство, ни в лицемерие. Пусть не боятся никого и ничего в мире, кроме совести. Пусть ничем не дорожат, кроме Государя, Отечества и своей чести, не отвращаясь ни от радостей жизни, ни от сердечных влечений. Пусть никогда не отчаиваются и никогда не унывают. Пусть стремятся к лучшему и высшему, *(л. 2 об.)* что человеку возможно. Пускай славятся, учат и побеждают жизнью, а не мыслью, делом, а не словом; пусть их мысль будет их жизнью, их слово – их делом. Пускай не падут <Так в тексте, на самом деле, видимо, надо читать: найдут. – Д. С.> себе за то ни счастья, ни славы, ни сочувствия, ни наград, ни помощи; пускай готовятся ко лжи, клевете, вражде, предательству, борьбе и ненависти; сами их не ищут, но нигде им не удивляются, нигде на них не ропшут. Пускай их долг будет их силой, их славой, их честью, их успокоением. Пускай не боятся ни неудач, ни промахов, ни слабостей, ни минутного малодушия: не падать никто не волен, но пусть всегда встают, не отрекаясь от своих ошибок, но не отрекаясь от истины. Кто бы из них как бы низко ни пал, прощая и благословляю, если встанет, или, хоть и не встанет, но, вставая, умрет. И пускай помнят, что весь я везде с ними и радуюсь на них и благодарю их, где они по мере сил одному со мною служат, мое дело продолжают и моему завещанию верны.

Аминь.

<Подпись:> Б. В. Никольский».